

Михаил Ахманов

Третья стража

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027745
Третья стража: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55087-6

Аннотация

Как бы то ни было, но в течение уже двух недель в подвале его дома лежал пришелец. Во всяком случае, не человек – в том, как устроены люди, Глеб Соболев, хирург с изрядным опытом, разбирался отлично. Вскроешь пациента, и никаких тебе чудес: слева – сердце, справа – печень, легкие и желудок тоже на положенных местах. Конечно, за годы практики в Питере, на Кавказе и в Сплите попадались уникамы, но не настолько. В другой ситуации Глеб отвез бы его в госпиталь, показал коллегам, к такому чуду слетелись бы все мировые светила, от Штатов до Японии!.. Однако случай был не тот – пришелец, когда еще мог говорить, ясно выразил свою волю. Он шел именно к нему, Глебу, с миссией очень серьезной и ответственной, а Глеб привык уважать желания больных в части конфиденциальности. Оставалось наблюдать и ждать. Чего? Галактического контакта? Прибытия «тарелочки»? Или событий, которые не позволят Глебу просто жить дальше, после того, что с ним случилось...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Ахманов

Третья стража

*...Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!*

В. Я. Брюсов «Tertia vigilia»

Tertia vigilia – третья стража у латинян, промежуток от полуночи до начала рассвета. В это время сон особенно глубокий.

Пролог

*Начало июня, Адриатическое побережье
Хорватии, Сплит*

В подвале его дома лежал пришелец. Во всяком случае, не человек – в том, как устроены люди, Глеб, хирург с изрядным опытом, разбирался отлично. Вскроешь пациента, и никаких тебе чудес: слева – сердце, справа – печень, легкие и желудок тоже на положенных местах, а внизу свое у женщин и свое у мужчин. Конечно, за годы практики в Питере, на Кавказе и в Сплите попадались уникамы, но не часто: однажды – сиамские близнецы, и три-четыре раза – больные с довольно странными аномалиями. Но сердце было у всех. Сердце, кишечник, почки и все такое. Случалось, дышали с трудом, хрипели, булькали, но без воздуха никто не обходился.

Этот тоже дышал – один раз в четверть часа. Однако сердечный ритм и биения пульса не прослушивались, и просьб насчет еды и питья тоже не поступало. Разумеется, никаких естественных выделений. Лежит больной на спинке, конечности вытянул, уставился взглядом в потолок, молчит, ничего не просит, не жалуется, только тихо вздыхает четыре раза в час. Можно сказать, идеальный пациент! Хоть оперируй без наркоза, бровью не поведет! Знать бы только, что с ним, какие пилюли давать и где резать... В другой ситуации Глеб отвез бы его в госпиталь, показал коллегам Бранко и Воиславу, и сунули бы они недужного под рентген, затем в томограф и церебральный сканер, разобрались бы, что там у него внутри, а если бы не вышло, так экспертов вызвать – дело недолгое. К такому чуду слетелись бы все мировые светила, от Штатов до Японии!.. Однако случай был не тот – пришелец, когда еще мог говорить, ясно выразил свою волю. Глеб привык уважать желания больных в части конфиденциальности, так что пришлось обойтись без огласки.

А как лечить?.. Ведь человек – или нечеловек?.. – явно болен, хоть не выказывает внешних признаков страдания. И шел он не куда-то, а к нему, к доктору Глебу Соболеву, о чем было сказано понятным языком. Кстати, по-русски, а не на хорватском! Не в госпиталь шел, а в его дом! В их дом с Мариной, только...

Глеб проглотил застрявший в горле сухой комок и закончил: только Марины уже нет... Нет Марины, и никогда не будет!

Словно подтверждая это, пришелец вздохнул – тихо, едва слышно.

Станный вздох – губы не раскрылись, не затрепетали ноздри, и грудь не поднялась... Куда же воздух девается?.. – подумал Глеб. Пусть у него легких нет, но объем вдыхаемого газа должен где-то разместиться... Вдох долгий и вроде бы глубокий, не меньше трех литров втянул... И где они, эти литры?..

Он наклонился над странным существом, приложил ухо к его обнаженной мускулистой груди, но ровным счетом ничего не услышал. Выдоха, как обычно, не было. Гладкая кожа холодила ухо, но этому Глеб уже не удивлялся – температуру пришельца он измерил еще в первые дни. Она была точно такой, как в подвале, – двадцать и две десятых градуса. Неделью назад, когда он включил калорифер, температура поднялась до двадцати пяти и трех – похоже, пришелец был в тепловом равновесии с окружающей средой. Такие эксперименты отвлекали Глеба от тоскливых мыслей о Марине.

Ну, и как его лечить?.. Никак! Еще со времен института он твердо усвоил правило: не знаешь, что делать – не делай ничего и наблюдай. Наблюдал Глеб уже больше двух недель, с середины мая. Нормальный человек за это время мог умереть или пойти на поправку, но его пациент явно не был нормальным. Хотя по внешнему виду – включая особенности мужской анатомии – от человека не отличался. Волосы на голове светлые, стрижен коротко, лицо обычное, не красавец, но и не урод. Правда, кое-какие странности Глеб отметил: стоило

отвести глаза, как черты пришельца словно бы выпадали из памяти. Физиономия самая подходящая для секретного агента! И еще одно – волосы у него не росли. Ни волосы, ни ногти. Любой покрылся бы щетиной за две недели, а у этого кожа оставалась гладкой, без единого волоска. Гладкой, бледноватой и очень упругой. Не кожа, а прямо-таки прочный пластик!

Вздохнув, Глеб отодвинулся от старой тахты, на которой лежал пришелец, выключил свет и, на шарив перила, стал подниматься по лестнице. В их с Мариной доме в подвал можно было попасть через прихожую, где имелась для этого низкая дверца. Прихожую – Марина называла ее холлом – украшали горшки с цветами, шкаф, старинный столик красного дерева и большое зеркало. Еще висела тут Маринина фотография: головка склонена к плечу, темные волосы разметались под ветром, на губах улыбка, ямочка на щеке...

– В госпиталь мне пора, – сказал ей Глеб. – Увидимся вечером, милая.

Жена словно бы проводила его ласковым взглядом. Он вышел, затворил дверь и зашагал к машине. Было семь утра.

Часть первая

Земля и Солнечная система

Глава 1

Первые числа мая, Лондон и Петербург

Томас Хиггинс торопился – стоило ему опоздать на три минуты, как герр Поппер, с его австрийской пунктуальностью, ворчал целых пятнадцать. Впрочем, основания к тому имелись: во-первых, профессор Карл Поппер безусловно был гением, а во-вторых, ему стукнуло девяносто. Целых две причины, чтобы дорожить своим временем, каждой прошедшей секундой – ведь их оставалось так немного! К своей близкой кончине герр Поппер относился, как и положено философу, без страха и с изрядной долей юмора. Смерть для него являлась продолжением ученых занятий, ибо открывала путь к познанию Великих Тайн Бытия: есть ли жизнь за гробом и с чьего соизволения она возникла на Земле и, возможно, в других мирах Вселенной. Карл Поппер не был религиозен, но не отвергал даже самых сумасшедших идей, включая наличие Бога – он полагал, что эта гипотеза вполне допустима. Поэтому часть своего драгоценного времени профессор предавался размышлениям, какие вопросы задать Господу – конечно, если тот существует и удостоит его аудиенции. Первый вопрос герр Поппер уже придумал: взгляни на людей, на мерзкие свои творения, старое чучело... что, доволен?..

Он обитал в Кенсингтоне, фешенебельном пригороде Лондона, в двухэтажном коттедже с палисадником, кустами жасмина и тщательно подстриженной лужайкой. Заботились о нем секретарь Кларенс Додж и экономка миссис Мью, строгая сухопарая особа в неизменном синем платье до щиколоток. Однако свидания с Хиггинсом профессор считал конфиденциальными; Додж, включив магнитофон, удалялся, а миссис Мью появлялась на минуту с чаем, молоком и кексами. Они беседовали два-три часа – точнее, профессор говорил, а Хиггинс слушал, вставляя редкие замечания. Ему было известно, что сказанное им значения не имеет, важнее личное присутствие; в такие моменты он являлся всего лишь каналом при концентраторе идей. А концентратор, хоть и похожий на старого гнома, мыслил с поразительной четкостью.

Хиггинсу удалось поймать такси, и он успел к назначенному сроку. К счастью, в центре в пробку они не попали, а юго-западная окраина Лондона выглядела пустынной: уютные, обсаженные зеленью улицы, травяные лужайки, а за ними – особняки тех, кому жизнь в этом благодатном уголке была по карману. Наслаждаясь тишиной и покоем, Хиггинс дышал воздухом с ароматами цветов, травы и весенней листвы и жалел, что не может сюда перебраться. Средств у него вполне хватало, но его подопечные обитали в разных городских районах и в других графствах, так что волей-неволей пришлось поселиться поближе к вокзалу. Иногда Хиггинс ездил в Ирландию или на континент, но чаще всего – в Кембридж, где навещал Стивена Хокинга. Хокинг, гениальный физик, возглавлявший кафедру, на которой трудился некогда сэр Исаак Ньютон, был намного моложе Поппера, но страдал неизлечимой болезнью, амиотрофическим склерозом. Он не мог передвигаться и говорить и общался с миром при помощи особых устройств и своих ассистентов. Недуг, однако, не повлиял на мощь его разума; Хокинг занимался черными дырами, с успехом создавая новую концепцию Большой Вселенной.

Миссис Мью провела Хиггинса в кабинет, где он обменялся приветствиями с герром Поппером, маленьким сморщенным старичком, в самом деле напоминавшим гнома. Но его

темные глазки под нависшими бровями смотрели пронзительно и остро, и двигался старый философ с удивительной для почтенного возраста резвостью. Усадив Хиггинса в кресло рядом с включенным магнитофоном допотопной конструкции, он с минуту разглядывал потолок, затем произнес:

– Вы знаете, Том, что меня поражает? Ограниченность наших физиков, биологов и прочей естественно-научной братии! Они возвели повторяемость опыта чуть ли не в божественный статус, совершенно исключив редкое, уникальное, эпизодическое – скажем прямо, чудесное. Это сужает поле исследований, не так ли? В частности, за счет трансцендентных явлений или тех, что представляются таковыми неопытному наблюдателю. Замечу, я не сторонник трансцендентного как непознаваемого в принципе, я считаю, что события такого рода, наряду с остальными фактами, можно и нужно подвергать логическому анализу, выясняя их каузальные связи с реальным миром. – Профессор на мгновение смолк и опять поднял глаза к обшитому дубовыми панелями потолку. – В отрицании уникальности я вижу большую ошибку. Вероятно, она восходит к известному вето Парижской академии наук – помните?.. – не рассматривать труды, посвященные квадратуре круга и трисекции угла, а заодно сообщения о камнях, что падают с неба...

– Это я помню, Карл, – сказал Хиггинс. – Но остальные ваши рассуждения для меня несколько туманны. Нельзя ли их конкретизировать?

– Можно, – с бодрым видом заявил герр Поппер. – Для начала определим границу, что отделяет науку от лженауки. Предположим, в результате какого-то эксперимента свершилось некое открытие, о чем научное сообщество поставлено в известность. Что происходит после этого? Опыт повторяют в других лабораториях, данные подтверждаются, и это доказывает объективность нового знания. Затем следует разработка теорий, призванных объяснить наблюдение. Иногда теория предшествует эксперименту, намечая вектор поиска необходимых данных, но в любом случае критерий истины – повторяемость опыта. Если умный Джон что-то измерил, то же самое должно получиться у Жана, Ивана и так далее. Причем каждый из них может повторять опыт сотни раз, результат будет один и тот же – конечно, в пределах погрешностей... И им кажется, что это – истина! – Профессор ткнул куда-то в сторону окна. – Если же повторяемость нарушена, если тысяча первая попытка дала другой результат, то он ошибочен! А если повторяемости нет вообще, то мы имеем дело с лженаукой, и такие факты не подлежат рассмотрению! Во всяком случае, это область *non grata*¹ для современной науки!

– Хмм... – произнес Хиггинс, – хмм... – Он полез в карман за сигаретами, но вовремя вспомнил, что курить в доме герра Поппера строго запрещается. Кое-кому могли бы разрешить, мелькнула мысль. Все же Хиггинс относился к той самой области «*non grata*», что привлекла внимание профессора. Впрочем, сам мудрый старец об этом не знал и вряд ли когда-нибудь узнает – разве что на свидании с Господом.

– Ваше «хмм» – знак сомнения? – воинственно спросил герр Поппер.

– Нет, скорее удивления, – отозвался Хиггинс. – Кажется, вы вступили на зыбкую почву, что может сказаться на вашем реноме.

– В мои годы нужно думать не о своем реноме, а о новых идеях, что достанутся в наследство вам, молодым, – заметил профессор. – Оставим в покое лженауку, экстрасенсов, ясновидцев, инопланетян и их летающие блюдца. Это очень зашумленный субстрат – в том смысле, что истина, если она здесь имеется, скрыта пластами ложных сообщений и спекулятивных домыслов. Вернемся к нашему тысяча первому эксперименту, который признан ошибочным... Верно ли это? Вдруг редкое стечение обстоятельств приоткрывает для нас такие сферы, что прежние достижения человечества покажутся детской игрой? Отсюда сле-

¹ Нежелательная (лат.).

дует, что к единичному, уникальному нужно относиться внимательно, не исключая такие факты из поля науки. Возьмем, например, земное население, счетное множество из семи миллиардов кретинов...

Появилась миссис Мью с чайным подносом, и герр Поппер прервал свои размышления. Когда экономка ушла, он поднял чашку майсенского фарфора, отхлебнул напиток и поморщился. Как многие уроженцы Вены, он предпочитал кофе, желательно с коньяком, но кофе и спиртное давно уже были под запретом врачей.

Снова глотнув чая, профессор с недовольным видом закрыл глаза. Его веки походили на тонкий, пожелтевший от времени пергамент.

– Мы говорили о населении Земли, – напомнил Хиггинс.

– Да, о миллиардах этих недоумков... прекрасная иллюстрация к затронутой нами теме... Представьте, что вы изучаете уровень их интеллекта и вообще их *modus operandi*². Один за другим они попадают под ваш микроскоп – сотни, тысячи, миллионы! – и что же вы видите?... Лень, инерцию мысли, стяжательство, тягу к плотским удовольствиям, духовную опустошенность... Все такие! – решаете вы. Все, ибо это подтверждает огромное число экспериментов! И вдруг... – профессор открыл глаза и тут же скромно их потупил, – вдруг вы натываетесь на некоего Карла Поппера... Или, если рассматривать ситуацию шире и глубже, на Бетховена, Лейбница, Эль Греко и Эвариста Галуа...

– На Эйнштейна, Байрона, да Винчи, Вольтера или Нильса Бора, – с энтузиазмом продолжил Хиггинс. – Кажется, я понимаю, к чему вы клоните!

– Разумеется, Том, разумеется... Итак, вам попался Поппер или, скажем, Кант, и вы считаете эту особь ошибкой эксперимента. Она не вписывается в вашу теорию о том, что люди тупоумны и алчут плотских наслаждений больше, чем знания. Вы отбрасываете данный результат, представляя человечество как скотов, занятых погоней за деньгами, размножением и перевариванием пищи. Но тут выясняется, что большая часть землян обитает в гигантских городах, где дома освещены электричеством, что в воздухе мчатся лайнеры с сотнями пассажиров, музеи полны картин и статуй, библиотеки ломятся от книг, а в школах компьютер на каждом столе. Вы недоумеваете – кто же сотворил все это?... кто дал такие богатства неполноценным ублюдкам?... Наверняка иномирные, пришельцы со звезд... – Герр Поппер хитро ухмыльнулся. – Но ведь это не так! Вы всего лишь проигнорировали в своем эксперименте редкое, эпизодическое, уникальное, получив неверный результат. Всего-навсего отбросили гениев, которым общество обязано всем, от теплых клозетов до атомных электростанций! И что получилось? Картина изучаемой цивилизации искажена, ваша теория несостоятельна...

Он еще долго распространялся в подобном духе. Хиггинс слушал с интересом, поскольку сам был уникальной личностью, каких на Земле имелось полдюжины, а временами еще меньше. Внимая герру Попперу, он думал о том, успеет ли старый философ закончить книгу, где сказанное воплотится в текст и ляжет в копилку земных сокровищ. Продлить жизнь или вернуть профессору молодость он не мог, хотя, конечно, Внешние сумели бы справиться с такой задачей. Однако степень их вмешательства регулировалась Договором – с кем конкретно, Хиггинс не знал, но эта враждебная сила была такой же грозной и всеобъемлющей, как у его покровителей.

Ближе к вечеру миссис Мью вызвала такси, и Хиггинс, распрощавшись с профессором, отправился на Бейкер-стрит, где квартировал в нескольких минутах ходьбы от дома знаменитого сыщика. Машина неторопливо двигалась по тихим зеленым улочкам Кенсингтона, шофер-индеец не спешил, поглядывая на Хиггинса с широкой улыбкой – должно быть, не всегда доставался ему в пассажиры такой приятный джентльмен, и ожидание чаевых грело

² Способ действий, методы кого-либо (лат.).

водителю сердце. Что же касается Хиггинса, то он, улыбаясь в свой черед индийцу, размышлял, сколь многим философия обязана Германии. Лейбниц, Гегель, Кант, Ницше, Фейербах, Шпенглер, Фихте, Шопенгауэр... теперь вот Карл Поппер... великие представители сумрачного германского гения... Конечно, если не считать того, что герр Поппер был австрийским евреем, сбежавшим от нацистов сначала во Францию, а затем в Англию. Здесь, на берегах туманного Альбиона, он жил и творил уже больше полувека.

Такси приближалось к повороту на более оживленную магистраль. Внезапно из-за угла выкатил огромный грузовик с цистерной на прицепе, из тех, что развозят масло и бензин по автозаправкам. Тяжелая машина мчалась прямо на такси. Шофер-индиец, перестав улыбаться, пробормотал ругательство и попытался отвернуть. Но было поздно – грузовик навис над Хиггинсом, что-то заскрежетало и треснуло, что-то острое, твердое впилося ему в грудь, ломая ребра, и в следующую секунду его ослепила вспышка пламени. В краткий миг смерти Томас испытал не ужас, а недоумение. Защитный амулет не сработал... Но почему, почему?... Боже всемогущий! Как такое могло случиться?..

* * *

У пилота не было имени. Личный номер, послужной список и данные биологического характера хранились в небольшой капсуле, имплантированной в запястье при достижении зрелости. Если не очень приглядываться, пилот напоминал человека – правда, выпуклые глаза казались слишком большими, рот – слишком маленьким, а уши и ноздри прикрывали гибкие кожистые наросты. Он был упрятан в посадочное гнездо, и над консолью управления торчали лишь его голова, плечи и руки. Крохотный дисковидный аппарат, с которым он составлял единое целое, затаился в облаках над британской столицей, примерно в километре от земли. Диск окружало поле невидимости. Иногда пилоту позволяли развлечься, поиграть с крылатыми машинами туземцев, такими громоздкими и неуклюжими, но в этот раз полагалось действовать скрытно.

Чуть выше консоли, справа от обзорного экрана, в воздухе что-то мерцало и посверкивало. Пилот принадлежал к технологической расе, умевшей странствовать среди звезд, но даже ему прибор казался удивительным. Детали конструкции являлись на мгновение и тут же исчезали, чтобы возникнуть вновь в каком-то ином сочетании, в виде сгустка шаров, вложенных друг в друга цилиндров или окруженного сферой тороида; мнилось, что это устройство создано не из металла и пластика, а из субстанции, не имевшей аналогов в материальном мире. Пилот не знал, кем создан этот прибор и каково его предназначение, даже не смог бы сказать, работает ли он.

Но кажется, мерцающие шарики трудились исправно: картина на экране была такой, как ожидалось. Пилот зафиксировал происходящее, включил датчик биоритмов и ментального контроля и убедился, что туземец мертв. Мертв и со стопроцентной вероятностью не подлежит реанимации, ибо от него остались лишь обгоревшие кости.

Задание было исполнено. Пилот повел машину вверх, наблюдая, как скопище зданий в огромном поселении утрака превращается в темное пятно на фоне зеленеющих полей и садов. Он не торопился – полет доставлял ему удовольствие, а приятного в его жизни случалось не так уж много. Пища, отдых в релаксационной камере и эти полеты над миром, который станет его новой родиной... Конечно, если удастся дожить до этого счастливого события.

Прозрачная голубизна небес сменилась космической тьмой. На консоли полыхнули огоньки – поисковый луч нашел кораблик в ледяной пустоте и повлек к спутнику планеты. Кшее пилота прижалась головка инъектора, впрыснув успокоительный препарат. Его выпуклые глаза затянула непрозрачная пленка, клапан над ноздрями чуть приподнялся, дыхание

стало медленным и редким. Это не было привычным человеку сном, только его подобием. Но и пилот не был человеком.

* * *

Он стоял на кольцевой галерее под куполом Исаакиевского собора. В культуре и языке, родных для него, отсутствовала привычная на Земле традиция имен. Нужды в этом не было, поскольку личность определял ментальный спектр, столь же неповторимый, как вид звездных небес на любой обитаемой планете Галактики. Но, пребывая в ранге эмиссара в земных палестинах, где звуковая речь являлась общепринятой, он, разумеется, обладал именем, даже множеством имен, тех или иных в зависимости от страны, в которой в данный момент находился. Местный обычай требовал идентификации в образе Сергея Василенко, Питера Рэдклифа или Паоло Ченни, и это казалось эмиссару смешным – он относился к тем существам, что понимают юмор. Хотя он и принял земное обличье, но думать о себе как о Сергее, Питере, Паоло и так далее было бы верхом нелепости! Однако его человеческая ипостась все же нуждалась в обозначении, и он решил, что самое верное связать ее с каким-то внешним признаком. Он выглядел здесь как мужчина лет сорока пяти, сухощавый и немного смугловатый, с европейскими чертами и ежиком седых волос. Не блондин, не брюнет, не шатен... Седой! Это и стало его прозвищем.

Над огромным городом распахнулся призрачный плащ белой ночи. Отсюда, с высоты, он видел архипелаги крыш, острова куполов, мачты шпилей и слепые узкие окна мансард. Внизу бесшумно струилась река, тащила в море последние льдины с лежавшего к востоку озера, над темной водой застыли мосты, а на другом берегу виднелись крепостные рavelины, оранжевые свечи рoстральных колонн и шеренга старинных зданий и дворцов. Впрочем, Седому они не казались такими уж древними – он наблюдал за их строительством в минувшие века.

Прошелестели колеса машины, и снова тишина... Он оглядел пустую галерею. Хорошее место, уединенное и открытое небу... Те, кого он ждал, не любили замкнутых пространств, комнат, залов, кабин и тому подобного; собственно, твердь планеты тоже не считалась у них подходящим местом для встреч и бесед. Однако в своем нынешнем обличье Седой не смог бы выжить вне атмосферы, в ледяной пустоте, пронизанной солнечным ветром и жестким излучением. Так что к нему снизошли, согласившись на контакт вблизи земной поверхности – но, разумеется, не в его уютном кабинете. Ощущение уюта и безопасности под защитой стен было ему понятно в той же мере, как и юмор; его раса имела гораздо больше общего с людьми, чем те, с кем он собирался встретиться.

Он знал час и место randevу, но ничего не мог сказать про обличье, в котором появятся будущие собеседники. Или собеседник?.. Похоже, эти существа не обладали индивидуальностью или, во всяком случае, не делали различий между собственным «я» и разумами прочих своих соплеменников. Их вид и структура тоже не поддавались четкому определению; возможно, они не имели телесной субстанции, являясь, в сущности, сгустками квантов, нейтрино или других частиц. Впрочем, это не влияло на их способности к контакту и власть над материальными объектами.

Камни за спиной Седого внезапно ожили, испустив тихий шелестящий звук. Он обернулся: часть серой гранитной стены быстро темнела и колыхалась точно дымное облако под порывами ветра. Спустя секунду это был уже не камень, а что-то вроде черной аморфной массы, расплывавшейся рванными клочьями в стороны, вверх и вниз. Эмиссар почувствовал мгновенный приступ страха – не пожрет ли это странное образование собор, и площадь, и дворцы, что окружают ее, а затем и весь город?.. Но движение темной массы вдруг прекратилось, она начала сжиматься, как бы сползая с гранитных плит и закручиваясь плотной,

стремительно вращавшейся спиралью. Она словно прилипла к поверхности стены, затем мрак в ее центре сгустился, открыв ведущий в пустоту тоннель. Черный бездонный колодец уходил неведомо куда – может быть, к ядру Галактики; в его центре пламенела крохотная пульсирующая сфера, испускавшая мерцающие кольца света. Они рождались и гасли так стремительно, что глаз не успевал следить за их зыбкой мимолетной жизнью.

– Мы здесь, – гулко донеслось из пустоты. – Наблюдатели могут произносить/рассказывать/общаться.

– Я один, – произнес эмиссар. – Наблюдатель Внешней Ветви.

Тишина. Только мерцание колец стало еще ярче, их полет – еще быстрее. Затем:

– Мы воспринимаем/ощущаем. Говори.

– Погиб Связующий, еще не достигший возраста смерти. Его убили, и я опасаюсь за жизнь остальных.

– Существа, которых вы опекаете, часто/постоянно/иногда друг друга убивают. Связующий не имел защиты? Разве не в этом ваша функция/задача? Одна из главных задач?

– Я знаю. Напоминать нет необходимости, – сказал Седой, подавив всплеск досады. – У всех Связующих имеются устройства, которые надежно их оберегают. Небольшие приборы для контроля и изменения причинно-следственных связей... Однако прибор погибшего был нейтрализован.

– Тому есть доказательства? – спросила пустота после короткой паузы.

– Разумеется. Нужно ли мне представить картину события?

– Необходимость отсутствует. Только результат... анализ... показания... именно так, показания прибора.

Эмиссар выполнил требуемое.

Две-три секунды бестелесная пустота молчала. Потом раздалось:

– Чего ты хочешь, Наблюдатель Внешних?

– Внутренняя Ветвь нарушила Договор. Вы, раса Ядра, его гаранты. Я требую вашего вмешательства.

В земных понятиях Внутренней Ветви соответствовал Рукав Стрельца, ближайший к центру Галактики, а Внешней – Рукав Персея³. Эти обозначения были условны и связаны с тем, что родина Седого находилась среди молодых звезд у края галактического диска, тогда как мир нарушителей лежал в районе одной из рассеянных звездных ассоциаций более древнего возраста. Но те и другие отнюдь не являлись единственным светочем разума на Млечном Пути, заселенном множеством созданий, иногда весьма причудливых, удивительных, даже невероятных. Сторонники обеих Ветвей нашлись бы во всех галактических рукавах, в шаровых скоплениях, в газовых туманностях и в небольшой галактике, известной земным астрономам как Магеллановы Облака; некоторые, подобно триподам, вообще обитали не на планетах, а в искусственных сооружениях, перемещавшихся от звезды к звезде. Не положение в пространстве разделяло их, а взгляд на судьбы разумных существ в этой части Вселенной.

Кольца, испускаемые яркой сферой, потускнели. Голос из пустоты промолвил:

– Мы должны уничтожить/испепелить/стереть звездные системы Внутренних? И все их космические поселения?

– Это стало бы слишком суровым и жестким ответом, – сказал Седой. – Неадекватным содеянному.

³ **Рукава Галактики** – ветви галактической спирали. **Рукав Стрельца** – ближайший к центру Галактики; затем идет **Рукав Ориона**, на краю которого находится Солнце; **Рукав Персея** – внешний, отделенный от Рукава Ориона пустым пространством шириною в 4000 парсек.

Пропасть между ним и его собеседниками была огромна. Существо из плоти и крови, чей жизненный цикл долог, но все же ограничен определенным временем, нелегко общаться с теми, кто не имеет тела, а по возрасту годится в ровесники Вселенной. Но все же они старались понимать друг друга и в большинстве случаев приходили к согласию. Способность вести диалог и договариваться ценилась среди галактических рас едва ли не больше всех прочих талантов.

– У Наблюдателей Внутренних есть станции вблизи планеты, которую вы патронируете. Уничтожить/стереть эти объекты?

– Нет, – терпеливо произнес Седой. – Уничтожать не нужно, так как факт прямой агрессии отсутствует. Мы трудимся на благо всех разумных рас, а не затем, чтобы устроить Армагеддон в Галактике.

– Армагеддон? – с оттенком недоумения переспросила пустота.

– Земной термин. Означает вселенскую битву и всеобщую гибель.

– Мы подтверждаем/соглашаемся. Мы тоже не хотим Армагеддон. – Молчание. Затем: – Как мы должны вмешаться?

– Выразить Внутренней Ветви свое неудовольствие, – сказал эмиссар.

– Принято. Мы это сделаем/совершим.

– И еще одно: раз наши устройства не могут защитить Связующих, надо найти другие способы. Полагаю, в этом требуется помощь вашей расы.

– Экранирующее поле? Плазменный кокон?

– Желательно что-то более локальное и более привычное обитателям этого мира. Те существа, которых вы используете для охраны...

– Мы не нуждаемся в охране, – возразили из пустоты. – Эта функция/задача относится к Помощникам. К тем существам, что заменяют привычное для вас... – Пауза. – Руки?.. Пальцы?.. Да, руки и пальцы.

– Нужно шесть таких... с руками... – сказал Седой. – Шесть, поскольку у нас пятеро действующих Связующих и еще один, который заменит погибшего.

– Мы пришлем/отправим их, – послышалось в ответ. – Но необходима... необходима часть/интервал времени. Очень небольшая. Существо нужно адаптировать к условиям этой планеты. Нужно изменить их генетику, придать им вид, который привычен/ знаком ее обитателям. Также нужна регулировка систем защиты. Если не сделать/выполнить этого, существа будут опасны. Опасны всем, Наблюдателям Внешних, Внутренних и любой жизни в мире, который вы опекаете.

– Как долго их готовить? – спросил эмиссар.

– Не долго. Девять с половиной оборотов этой планеты вокруг светила, – ответила пустота.

Эмиссар размышлял несколько мгновений. Не первый раз он сталкивался с разным восприятием времени у разумных галактических народов: одни считали год чуть ли не геологическим периодом, другим он мнился крохотной долей их тысячелетнего существования. То, что было «не долго» для его собеседников и не очень долго для него самого, на Земле считалось значительным сроком. Девять с половиной лет! Темп жизни здесь был таков, что за это время ребенок становился взрослым.

– Это не решит проблемы, – наконец вымолвил Седой. – Как отреагирует Внутренняя Ветвь на ваше порицание? Прекратит убийства или продолжит их? В первом случае мы придем к конфликту, которого стремимся избежать, во втором – потеряем всех Связующих. Девять с половиной оборотов – изрядный срок.

– Мы постараемся ускорить подготовку. Вы, Внешняя Ветвь, должны беречь/хранить Связующих. Беречь/хранить, что бы ни случилось. Так в Договоре. Это ваша функция/задача.

– Я помню. – Эмиссар невольно стиснул кулаки. Терпение, терпение и еще раз терпение! Эти бестелесные из Ядра временами были так занудны и упрямы... Видит Галактика, не слишком приятные собеседники! Глубоко вздохнув, он произнес: – Связующий, который придет на замену погибшему, подвержен особому риску. Он не знает о своем предназначении и опыта у него нет. Вы можете помочь?

Тишина. Пульсация сферы ускорилась, кольца стали ярче и шире. Очевидно, бестелесные размышляли, но как и о чем, эмиссар не мог сказать. Ожидая ответа, он смотрел на реку. Форма льдины, застрявшей у опоры моста, напомнила ему континент родной планеты. Сильно вытянутый треугольник; острый конец загнут словно длинный узкий полуостров, изрезанный фиордами... У одного из них он появился на свет – в городе хрустальных башен, чьи вершины пронзали облака.

Взгляд Седого скользнул по улицам, площадям и крышам. Приземистый каменный мегаполис, что простирался внизу, совсем не походил на города его родины, однако это было поселение разумных, собравшихся вместе с той же целью, как у его соплеменников. Здесь истинную цель еще не осознали – точнее, никто ее не понимал, кроме мыслителей самого высокого полета. Людям Земли казалось, что город нужен для защиты от врагов, а еще – как средоточие промышленности, богатства, комфорта и, разумеется, власти. Очень примитивное суждение! На самом деле...

Негромкий вибрирующий рокот прервал его мысли. Пустота наконец откликнулась:

– Мы обдумали/обсудили проблему. Придет одно существо, Защитник с биологической формой/ структурой, позволяющей находиться в газовой среде. Возможно, пребывание на планете ускорит период его адаптации.

– Почему бы вам не прислать несколько таких созданий? – предложил эмиссар.

– Есть в наличии только одно. Только одно, – донеслось из пустоты. Внезапно кольца начали тускнеть, их бег замедлился, потом остановился, и Седой услышал: – Других... готовить... будем готовить... быстрее... семь оборотов... или восемь...

Черный бездонный колодец стянулся в точку, затем она исчезла, будто растворившись в серой гранитной стене. Эмиссар понял, что сеанс завершен. Так быстро, так внезапно! На мгновение его охватила досада. Он не успел почти ничего сообщить о новом Связующем – где обитает этот человек, куда послать Защитника и в каком обличье. Но, очевидно, Обитающие в Ядре все это знали, считав информацию из его памяти – ментальный слой разума был для них открытой книгой. Город у моря, залитый солнечным светом, явился воображению Седого: античный дворец, рядом с которым плещутся волны, набережная, выстланная мраморными плитами, колокольня древнего собора, дома под черепичными крышами, обступившие извилистые улицы... Не такой огромный город, как лежавший под ним мегаполис, но выглядел он куда приветливее – возможно от того, что был переполнен яркими красками. Синее море, лазурное небо, красные крыши, масса зелени и белый, желтый, оранжевый камень стен... Над этим многоцветьем вздымался горный хребет, и домики – те, что стояли подальше от моря – карабкались по его отрогам к амфитеатру и развалинам храмов римских времен.

Красивый город, подумал эмиссар. Захочет ли Связующий его покинуть? И примет ли то, что ему предназначено?..

Он нащупал висевший на груди прибор, включил его, открыв портал трансгрессии, сделал шаг и очутился в своем кабинете.

Глава 2

Сплит и вне Сплита

День прошел без особых хлопот: два случая аппендицита, французский турист с паховой грыжей и консультация больного с переломом ребер и ноги – этот, дядька за пятьдесят, был из России, из Калуги. Порой выходки соотечественников просто изумляли Глеба; оставалось лишь согласиться с рентгенологом Бранко Михайловичем, что таких безбашенных людей во всей Европе не найдешь. Калужанин прыгнул в море с восьмиметровой скалы, напоролся на камень и выжил чудом; другие, гнавшие с бешеной скоростью по горным дорогам, летели с обрывов, или лезли в ледяные воды Крки, где их прихватывала судорога, или, упившись до посинения, желали непременно искупаться в шторм. Все их травмы доставались Глебу, единственному русскому хирургу. Врачуя своих компатриотов, он вспоминал о бойцах, с которыми сдружился на кавказских войнах. Спецназ, парни умелые, расчетливые, но временами отчаянные, тоже совсем безбашенные... Таков, вероятно, национальный характер, размышлял Глеб, вправляя кости или накладывая швы очередному пациенту.

В подвал к своему странному гостю он не пошел, а уселся перед домом на скамейке, вытащил сигареты, закурил, любясь раскинувшимся внизу городом. Синее море, глубокое небо цвета лазури, зеленая листва, черепичные красные крыши и белый, желтый, оранжевый камень стен... Красивый город Сплит! А был еще лучше, пока Марина его не оставила... Она как этот город – яркая, смуглая, кареглазая, из тех девушек, про которых говорят: стройна точно пальма. Пальмы растут здесь всюду, на морской набережной их полно, а Марины уже нет... Не судьба! – думал Глеб, катая во рту сигарету. Не судьба родить детей, вырастить их, дожить до старости и умереть в один день...

Хлопнула калитка. Подошел сосед Славо Габрич, сел рядом, тоже задымил сигаретой. У Габрича имелся хороший джип, и с мая по сентябрь он промышлял извозом, катал туристов по всему побережью от Истрии до Дубровника. В зимние месяцы приходилось ему вкалывать на стройке, так как семейство у Славо было немаленькое: мать, супруга, трое ребятишек, пудель и кот. Марина дружила с Ангелкой, его женой.

– Что там в Японии слышно? Тушат реактор? Или уже потушили? – спросил Славо. Его занимали все мировые события, и он, разумеется, был в курсе последних японских несчастий – землетрясения, цунами и аварии на атомной станции. Но одно дело, как прокомментируют все эти журналисты, и совсем другое – послушать человека образованного, врача и лучшего хирурга в Сплите. Хорватия хоть и была славянской страной, но многим отличалась от России – к примеру, образованных здесь уважали. Здесь Глеб был не какой-то там врачешка, а господин доктор. Или, если угодно, пан, герр и мсье.

– Потушат японцы свой реактор, но радости в том мало, – промолвил он. – Радиоактивные воды уже в океане, а это совсем нехорошо. Возможно, хуже, чем в Чернобыле.

Темные брови Славо сошлись на переносице, он призадумался.

Потом пыхнул сигаретой и сказал неуверенно:

– Чернобыль – это ведь на Украине, да? Близко к нам, а Япония – другой конец света. Как доберется эта зараза до наших краев?

– По пищевой цепочке, Славо. Доберется, ничего с этим не поделаешь.

Ничего! – с тоской подумал Глеб. – Даже не узнаешь, что нанесло смертоносный удар, воздух ли виноват, пища, вода, дождик какой-нибудь нехороший или генетика... Хотя с наследственностью у Марины было все в порядке... В порядке, а вот случилось! Откуда, почему?..

И, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он стал объяснять соседу, что происходит с изотопами цезия и стронция в морской воде, как адсорбируют их водоросли, поглощают

рыбы и моллюски, как включается радиация в жизненный цикл Мирового океана. История была страшноватая – ведь все, что выловлено из вод морских, попадает в конечном счете в кастрюлю, а из нее – прямиком в организм. И не только нынешнее поколение будет глотать этот яд, но и далекие потомки пару тысячелетий, если не больше. Мутации при этом неизбежны, и возникает вопрос: какими те потомки станут?.. Двухголовыми уродцами?.. Или монстрами с тремя ногами и единственным глазом во лбу?..

– Спаси Христос! – молвил Славо и перекрестился. – Да, невеселые дела... Это что же получается – рыбу лучше не есть?

– Не поможет. Рыбой свиной и птицу кормят, – напомнил Глеб.

Славо совсем помрачнел. Поднялся, полез в свой джип, припаркованный у изгороди, вытащил бутылку местного самогона. Они выпили по глотку, чтобы на сердце стало веселее. Потом выпили еще – за процветание Хорватии и за то, чтоб не рождались здесь двухголовые детишки. Обсудили природные катаклизмы, извержение вулкана в Исландии, землетрясение на Гаити, смерч в Новом Орлеане, и решили, что происходят они не чаще, чем в былые времена. Просто народа на Земле прибавилось сверх меры, расплодился народ, понастроил городов, порубил леса, а природа тут ни при чем. Не держит природа зла на человечество! Пошлет она ураган на безлюдный прежде берег, а там уже дома, и поля, и людей миллион, вот и приключается несчастье. К тому же связь куда мобильнее и шире, чем десять или двадцать лет назад, так что любое бесчинство стихий тут же предьявляют миру во всех подробностях, с числом погибших и видом разрушений. После сделали они еще по глотку, и Славо ушел, сказав, что рано утром повезет в Дубровник английское семейство и вернется лишь вечером. Вернется непременно и благополучно. Хвала Господу и деве Марии, в Хорватии вулканов нет и цунами тоже не бывает!

Глеб остался один, глядел, как, расплескав над морем алые крылья, садится солнце и вспыхивают в городе огни. Место для их дома выбирала Марина, подальше от туристов, что наводняют Сплит пять месяцев в году. Были ей милы покой и тишина, а где спокойнее, чем в Солине, на окраине у самых гор? Солин – это сейчас, а в древности лежала тут римская колония Салона, и до ее развалин – рукой подать: перейдешь дорогу, и на склоне целый архитектурный заповедник. Форум, амфитеатр, храмы, базилики, древние фундаменты с торчащими кое-где колоннами, зеленые свечи кипарисов, раскидистые кроны пиний... Глеб с Мариной любили там гулять. Странное чувство охватывало Глеба среди этих руин – мнилось, что он приобщается к вечности, к тем давним, очень давним временам, когда носили туники и тоги, хоронились от врагов за крепостной стеной, ездили на лошадях и жгли по ночам светильники с маслом. Каким огромным казался мир в те времена! Огромным, таинственным, непостижимым! На западе – Рим, великая столица *Rex Romana*, Галлия, Иберия и, у самого края света, далекая Британия, на юге – Эллада и за морем Египет, а к востоку, за имперскими землями, Персия и Индия, страна чудес. Север – почти *terra incognita*, где обитают скифы, германцы, славяне, народы многих языков, и среди них – сказочное племя амазонок. Может быть, где-то найдутся люди с песьими головами или с одной ногой, но это результат фантазий, а не мутаций; атомных реакторов еще нет, нет огромных свалок и вредоносной химии, земли и воды чисты. Есть чему позавидовать, думал Глеб. Тот мир был дик, жесток, лишен комфорта, и что же изменилось? С комфортом все в порядке, но жестокости полно по-прежнему, и не дикость ли вырубать леса и сбрасывать отраву в океаны? Что-то у нас не так с прогрессом и цивилизацией... Определенно не так!

Он поднялся и пересек дорогу. Сразу за ней лежал амфитеатр, сохранившийся на диво хорошо: овальная, засыпанная песком арена, ряды каменных скамей, стены над верхним ярусом, остатки арок, под которыми когда-то проходили падкие до зрелищ горожане. Камни кое-где потрескались, в стыках плит росла трава, но вечером эти знаки времени стали почти незаметными – в лучах закатного светила чудилось, что амфитеатр сейчас наполнится

людьми и на арене начнется некое действо. Для колесничных ристаний она была маловата, а вот схватки гладиаторов тут происходили непременно... Глебу не хотелось думать, сколько крови тут пролито; к тому же не исключалось, что выступали в Салоне артисты и певцы, давали трагедии Эсхила и Софокла, приобщая зрителей-римлян к высокому искусству. Но жили здесь не только римляне, жили более цивилизованные греки, а также иллирийцы, исконные обитатели этих мест. Последние, впрочем, не очень ценили искусство, а занимались своим любимым промыслом – морским разбоем.

Шагнув на древнюю щербатую лестницу, он начал спускаться вниз. Какой-то внутренний позыв подталкивал его: встать посреди арены, оглядеться, бросить взгляд в темнеющие небеса, потом найти ту скамью в нижних рядах, где сидели они с Мариной, держались за руки, целовались... Может быть, там, на камне, нагретом солнцем, он вновь почувствует вкус ее губ... Хотя бы на одно мгновение! Может быть, услышит ее голос...

Глеб спрыгнул на песок, поднял голову к небу – в вышине загорались первые звезды. Где сейчас Марина?... Где, где?... Он не был религиозен, но не мог допустить, не мог даже подумать о том, что ее просто не существует, что нет во Вселенной ни тела ее, ни души, ни пленительной улыбки. Лучше представить, что она где-то там, среди звезд, смотрит на него, тоскует, печалится, и божий рай ей не в радость... Несправедливо, подумал он, несправедливо! Почему мы так бессильны? Бессильны перед вечной тьмой, отбирающей у нас любимых, перед временем, что уродует красоту и лишает разума?

Маленький смерч взметнулся у его колен, осыпал ноги песком. Пустынная арена внезапно ожила – ветер кружил песчинки, тут и там возникали новые вихри, казавшиеся в наступающем сумраке смутными полупрозрачными фигурами. Их танец, поначалу хаотический, быстро превращался в словно бы регулярное движение; влекомые ветром, они струились по периметру арены, обегали ее, но каждый раз все ближе и ближе к центру. На первый взгляд этих странных образований из воздуха и песка было с десятков, но спустя минуту число их выросло – тридцать, сорок, пятьдесят призрачных демонов кружились вокруг Глеба, подступали к нему, смыкались воедино, и он уже не мог разглядеть ни скамей амфитеатра, ни лестниц, ни арок, ни вершин кипарисов, что росли поблизости.

Что за чудеса! – мелькнула мысль. Ветер едва заметный, а поднял песок со всей арены... Не просто поднял, а вылепил толпу песчаных кукол... Непонятное явление, какой-то локальный катаклизм! А что творится на дороге, у домов?... Надо бы взглянуть!

Глеб попытался тронуться с места и вдруг ощутил, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Словно бы некие путы сковали его, не позволяя двигаться, и он, изумленный и беспомощный, подумал, что песчаные призраки – нет, уже целые стены из песка! – сейчас обрушатся ему на голову, раздавят и погребут в чреве новосотворенного бархана. На мгновение паника охватила Глеба; он стоял как вкопанный, не в силах понять, что происходит, как сопротивляться наваждению – или, возможно, реальной угрозе. Но страх унижает, а он был человеком гордым и повидал немало воистину страшного – на столе, под светом бестеневых ламп, где возвращали жизнь, и в горах, где жизнь отнимали. Он глубоко вздохнул – дышать, вероятно, не возбранялось – и стиснул кулаки. Что бы ни происходило с ним, это не ужаснее вечного страха хирурга: смотреть, как умирает пациент, которого не удалось спасти.

Небо опрокинулось на него, и было оно темным, ледяным и мрачным. Совсем не хороватское летнее небо, полное ярких звезд! Он ощущал, что будто бы по-прежнему стоит на месте, плененный могучими силами, и в то же время стремительно перемещается, преодолевая чудовищный, невообразимый путь. Эта иллюзия движения или, наоборот, покоя казалась странной и довольно мерзкой. Разум и плоть Глеба словно распались надвое; одна его половина мчалась в холоде и мраке к неведомой цели, другая пребывала в неподвижности и ступоре. Однажды он уже испытывал такое, при крушении авиалайнера, в котором погибли мать, отец и еще сто сорок человек. Воздушная машина падала и он, семилетний мальчишка,

падал вместе с нею, падал, охваченный ужасом, оставаясь пристегнутым к креслу, слушая вопли и стоны людей. Он ничего не видел – мать закрыла ему глаза ладонью. Потом был удар, пронзительный скрежет рвущегося металла и хрип умирающих... Не самые приятные воспоминания!

Обе его половинки соединились, Глеб никуда не летел, стоял на месте и, похоже, мог двигаться. Тьма рассеялась, он протер глаза, поднял голову и осмотрелся. Амфитеатр?.. Да, амфитеатр, но совсем не тот, что в древней Салоне. Ничего общего! Под ногами – не песок, а стальная плита размером много больше цирковой арены, стены круто уходят вверх и опоясаны балконами, прозрачный свод – где-то на огромной высоте, и сквозь него просачиваются слабые лучики света. Балконы забраны решеткой, но если приглядеться, видно, что стены усеяны выпуклыми дверцами или, скорее, люками, и такие же люки идут на первом ярусе вокруг арены. Все – вплотную друг к другу, высотой метра три и вроде бы металлические, из тускло поблескивающей стали. Это походило на внутренность огромной башни, на усеченный конус, перевернутый вверх основанием. Здесь было нежарко – скорее, совсем холодно.

– Куда меня занесло?.. – вслух промолвил Глеб, озираясь в недоумении. – Куда и почему? Пили вроде бы совсем немного... Точно немного – Славо завтра туристов везет, а у меня четыре операции...

Он подождал, прошелся туда-сюда по стальной плите, ощупал крышку ближайшего люка – она оказалась холодной, как арктические льды. В вышине, под самым куполом, что-то мерцало, словно падавший свет сгущался в неяркое облачко. Больше ничего – ни звука, ни живой души.

– Эй! – крикнул Глеб. – Есть здесь кто-нибудь? Покажись!

Его голос раскатился в огромном пустом пространстве. «Ажись!.. жись!.. иссь!..» – откликнулось эхо.

– Выход, что ли, поискать... – пробормотал он. – Должен же найтись тут выход...

Глеб присмотрелся к люкам, но на их выпуклой блестящей поверхности не было ни ручек, ни кодовых замков, ни скважин для ключа. В принципе, за любой из этих стальных заслонок мог оказаться ход наружу, но не исключалось, что такой особый люк поместили знаком или снабдили устройством для входа и выхода. Решив проверить нижний ярус, он двинулся в обход, сделал три-четыре шага и вдруг замер, слушая тишину.

Что-то изменилось. Свет не стал слабее или ярче, с балконов не доносилось ни шороха, стальные двери, как и раньше, были в неподвижности и холоде... И все же что-то начало меняться. Что?.. Эту метаморфозу Глеб ощущал с такой же ясностью, как пантера, напрягающая мышцы при виде добычи, как лосось, взметнувшийся над речным перекатом. Человек – дитя Земли, и властвуют над ним законы, подчиняющие все живое...

Спустя мгновение он догадался: в огромной башне все по-прежнему, странный мир вокруг него таков, как минуту назад, а перемены только в нем самом. Выброс адреналина?.. Безусловно! Кортикостероидов?.. Наверняка! Симптомы просты: учащенное дыхание, сердцебиение, лицо горит, давление крови повысилось... Он отмечал все это с бесстрашием врача, которому понятны телесные реакции на бурный всплеск эмоций. Кора надпочечников секретировала гормоны, влияющих на нервную систему, и с этим ничего не поделаешь. Одно из последствий – стресс, сужение кровеносных сосудов, даже асфиксия...

Стресс?.. Что ж, после пляски песчаных вихрей и путешествия из Салоны в эту холодную башню, стресс случился бы у каждого! От ужаса, от внезапности, от непонимания! Но он не чувствовал страха и слабости, не ощущал угнетения – скорее, был возбужден, так возбужден, что энергия била через край. По этой или по иной причине всплыло перед ним такое, о чем Глеб, в своем обычном состоянии, старался не вспоминать. Но сейчас эти картины мнились ясными, зримыми; он видел тела родителей, изуродованные и залитые кровью, видел умирающих солдат спецназа и боевиков, прошитых пулями, видел, как танковые

гусеницы перемалывают трупы, вминая их в жидкую грязь, видел своих пациентов, тех, кого не смог спасти. Потом пришло еще одно, самое страшное видение: Марина в больничной кровати, ее погасшие глаза, пергаментная кожа, руки, похожие на палочки...

Внезапно он понял: все это – Зло! Зло, которое сотворили над людьми, – неважно, свои они или чужие! Каждый из погибших в боли и муках был разумным существом, и те, с кем он сражался, и те, кого спасал. А еще были совсем безвинные – мать, отец и пассажиры рухнувшего самолета, были его несчастные больные и Марина, жертвы судьбы и случая... Нет, жертвы Зла! Великого Зла, что затаилось за стенами крепости! Ибо не в башне он, а в цитадели, рядом с армией непобедимых воинов! Он – их предводитель, он поведет их на битву со Злом, растопчет его, уничтожит, искоренит!

Палящая ярость обхватила его, сердце жаждало отмщения. За всю несправедливость, что творилась на Земле, за боль и ужас, смерть и кровь врагам воздастся сторицей! Немедленно! Сейчас! Бой будет беспощадным! Зло в плен не берут, ибо из каждого его зерна, из крохотного побега прорастает со временем нечто чудовищное и страшное. А потому...

Крышка ближайшего люка со звоном отскочила. Стальной гигант выступил из тьмы: бронированное туловище, ноги, подобные колоннам, плоский нарост головы над мощными плечами. Верхние конечности, руки или манипуляторы, тоже забраны в металл, а их сочленения у локтя и кисти прикрывают ребристые щитки. Овальную приплюснутую голову кольцом охватывает светлая полоска, из плеч торчат стволы, вместо пальцев – клешни и веер блестящих длинных лезвий. Вид у этого монстра был устрашающий, но почему-то Глеб не испугался, даже бровью не повел. Словно подсказали ему – кто и как?... – что перед ним робот, машина, а не живое существо. Машина для убийства!

Гигант повернулся к нему спиной, разошлись броневые пластины, и Глеб, двигаясь точно сомнамбула, полез внутрь. Очень удобная конструкция: сразу нашлись опоры для ног, руки охватили плотные перчатки, на лицо надвинулось что-то вроде маски, чуть холодившей кожу. Вероятно, полоса на голове робота являлась зрительным органом с круговым обзором – он видел то, что перед ним, и то, что сзади, все пространство башни, все ее балконы и ярусы с тысячами люков.

Броневые пластины сдвинулись с лязгом. Глеб приподнял ногу, опустил ее – ступня робота грохнула о металлический пол. Он пошевелил руками, коснулся пальцами каких-то клавиш или кнопок, и лезвия втянулись в верхние конечности, потом раскрылись снова – дюжина слегка изогнутых клинков метровой длины. Колени, локти и запястья ошетились острыми шипами, дрогнули торчавшие из плеч стволы. Движение головой – слегка вперед, будто он пытался что-то разглядеть – и из стволов вырвались молнии, ударили в плиту под ногами, прожгли глубокие борозды. Вся убийственная машинерия действовала преотлично.

Но кто управлял ею? Глеб Соболев, выпускник медицинской академии, ведущий хирург госпиталя Сплита? Пожалуй, нет – такого Глеба Соболева будто оттеснили на задний план, заслонив другой личностью. И этот человек, тоже вроде бы Глеб, был охвачен гневом и жаждой мести. Чувство абсолютно иррациональное – ведь он не представлял, с каким Великим Злом готов сразиться, и что его ждет за стенами крепости. Кто там будет, Сатана и легионы падших ангелов, что явились из ада, пришельцы с Сириуса с лазерными мечами или флот боевых звездолетов?... Это его не занимало. Он получил оружие и хотел добраться до врага.

– Пора, – промолвил Глеб или тот, кто владел его устами. – Пора, воины! Просыпайтесь!

Тысячи люков грохнули разом, тысячи стальных фигур шагнули на балконы. Сколько их было? Не сосчитать и не окинуть взглядом! Все одинаковые, такие же, как робот Глеба, закованные в броню, с пальцами-мечами и целой батареей мечущих молнии стволов. Доля секунды, и башня наполнилась лязгом и грохотом – гиганты начали спускаться вниз.

Шеренга за шеренгой они становились за спиной Глеба, вжимая плечо в плечо, но арена могла вместить лишь малую их часть, не больше двух-трех сотен. Едва он подумал об этом, как стена впереди растаяла на высоту нескольких метров, и открылась серая равнина под мглистым бессолнечным небом. Равнина уходила к горизонту, и не виднелось в ее просторах ни скалы, ни холма, ни оврага, ни иного препятствия, даже кустика или пучка травы. Похоже, землю закатали в бетон или асфальт, чтобы не чинить помех грядущей битве.

Глеб сделал шаг, другой, и стальные бойцы повторили его движение. Армия покатила на равнину, растягивая фронт налево и направо; сверкали панцири, грозили незримым врагам жерла стволов, топот множества ног сливался в мерные звуки, подобные ударам грома. Впереди по-прежнему зияла пустота, но за спиной Глеб видел башню, тянувшуюся к небу и облакам, широкие ворота и неиссякающий поток механических воинов. Все они были едины; он властвовал над ними, пребывал в каждом из них, соединяя армию в целое, в кулак со множеством стиснутых пальцев.

У горизонта возникла сверкающая линия. Ее концы расходились в обе стороны точно так же, как в воинстве Глеба, и шум при ее приближении, пока еще чуть слышный, был похож: топот тысяч и тысяч ног, звучащий в мерном ритме. Глеб ускорил шаги, затем побежал, и вся стальная армада, лязгая и громокая, ринулась следом, копируя каждый его жест, каждое движение. Он вскинул верхние конечности и растопырил клинки, готовясь нанести удар, метнуть молнии, пронзить врага шипами. Расстояние между его войском и противником стремительно сокращалось, и на какой-то миг у Глеба мелькнула мысль, что он глядит в зеркало, в огромное зеркало, что тянется от края до края небес и земли. Из этого зазеркалья накатывал такой же строй бронированных гигантов с воздетыми вверх руками, блестящими лезвиями мечей и жерлами стволов. Впереди мчался предводитель, и какое-то шестое или десятое чувство подсказывало Глебу, что это он сам, что сейчас он и его alter ego сойдутся в смертельном бою, и безразлично, кто одержит победу – он все равно умрет. Он сознавал неизбежность кончины, но бушевавшая в сердце ярость была сильнее страха. Ярость – умоисступление, как утверждали древние; ярость не рассуждает, но действует.

Два грохочущих вала стремились друг к другу. Две стаи чудовищ, металлических монстров, готовились выдохнуть пламя, сомкнуть клыки и терзать, терзать... Земля стонала под их шагами.

Глеб столкнулся с предводителем, ударил, сталь зазвенела о сталь, стволы нацелились в грудь врага. Но выпустить молнии он не успел; серая равнина и мглистое небо начали таять, а вместе с ними исчезали шеренги воинов, обе армии, едва не вступившие в бой. Какая из них была реальна, какая – лишь отражением реальности?.. И что подвигло их к борьбе – стремление к Злу, Добру или просто вечная тяга к кровавым сварам?..

«Это же роботы! – подумал Глеб, выплывая из дурмана. – Только роботы! Какое там Добро и Зло, какая кровь?..»

Неодолимая сила сковала его и повлекла в черную бездну.

* * *

Очнулся он на каменной скамье в третьем ряду древнего амфитеатра. Перед ним в вечернем полумраке простиралась арена, в центре которой стеной стоял песок – должно быть, там сгрудилась целая сотня вихрей, бешено вращавшихся и непрерывно менявших очертания. Но все же Глеб сумел рассмотреть, что посреди этого призрачного хоровода маячит человеческая фигура, словно бы точка притяжения для песчаных демонов. Они выросли до трех-четырех метров, их вершины колыхались, загибались, будто смерчи желали заключить человека в непроницаемый кокон, шелест взвихренного песка напоминал змеиное шипение.

Нужно помочь, засыплет его! – мелькнула мысль у Глеба. Он приподнялся, но в эту секунду человек на арене сделал резкое движение – вроде бы взмахнул руками. Яркое огненное кольцо родилось в его ладонях и тут же начало расширяться, подрезая вихри словно острой косой. Шелест сделался сильнее, но уже не мнился угрожающим; демоны исчезали, песок жалкими кучками падал на арену, а световое кольцо, слегка бледнея, неторопливо двигалось дальше. У нижнего яруса оно пропало, как бы всосалось в камень или растворилось в воздухе, и теперь Глеб ясно разглядел стоявшего внизу мужчину, босого и полностью обнаженного. Светлые волосы, гладкая бледная кожа, крепкий торс с внушительной мускулатурой... Пришелец! Не иначе как его пришелец! Уже стемнело, но у дороги зажглись фонари, света было достаточно, и ошибиться Глеб не мог. Точно, его странный гость! Восстал недужный и явился умирять демонов!

Повернув голову, пришелец поймал взгляд Глеба. Лицо его казалось неподвижным и абсолютно бесстрастным – никакого следа только что затраченных усилий. Вероятно, боре с песчаными вихрями не отняло у него много сил.

Он направился к скамье ровным скользящим шагом. Глеб замер, чувствуя, как отхлынула кровь и сердце начало биться в ритме набата. Нереальность происходящего потрясла его; минуту назад он пребывал в каком-то чуждом мире, готовился к битве и смерти, а сейчас наблюдал борьбу – если то было борьбой! – между двумя непонятными сущностями. Одна из них приняла вид взметенного ветром песка, другая выглядела как бы человеком, но это ничего не меняло: обе они – не от мира сего. Не творения Земли, а нечто инородное, такое, для чего не найдется понятий и объяснений ни в одном языке! И сейчас сущность в обличье человека шагала прямо к нему.

На висках Глеба выступил холодный пот. Он не боялся, нет, он просто не знал, чего ожидать. Вдруг это существо, эта сущность, создание, инопланетный монстр отправит его куда-нибудь – к той же банде воинственных роботов или к звезде Бетельгейзе, что, по слухам, скоро взорвется, превратившись в сверхновую.

Но пришелец, кажется, не собирался выкинуть какой-то фокус.

Подождал к Глебу, коснулся ладонью груди и произнес на русском:

– Присутствуем. Функциональная адаптация завершена. Мы готовы.

– Мы? – переспросил Глеб, переводя дух и озираясь.

– Мы, – отозвался его гость. – Мы, Защитник.

Некоторое время они взирали друг на друга. Пришелец был совсем как человек, если не считать, что никакими ароматами от него не тянуло. Люди всегда пахнут, и у каждого свой запах, неприятный или сладкий, как у детишек и юных девушек, о чем всякий медик знает преотлично. Впрочем, отсутствие запаха не было новостью для Глеба – гость, пролежавший у него в подвале больше двух недель, не пах, не ел, не пил и почти не дышал.

Он отвел взгляд, вытер о рубаху вспотевшие ладони и поинтересовался:

– Можешь объяснить, что случилось со мной? Эти песчаные вихри... потом меня куда-то потащило... башня, там была башня с армией роботов... И я вдруг решил, что...

– Стасис, – вымолвил пришелец. – Портал трансгрессии. Мираж. – Подумал секунду и добавил: – Иллюзорная не-жизнь. Так есть.

Голос его звучал глуховато, но слова он выговаривал с удивительной четкостью и выглядел бодрым. А прежде хрипел, вспомнилось Глебу, и качало его как утлую лодку в бурном море. В день их встречи гость, будто ниоткуда, возник на дороге поздним вечером и шел – вернее, еле ковылял – от фонаря к фонарю, потом замер напротив дома, постоял пять секунд и направился к дверям. Бывало, заходили к Глебу соседи, кто за лекарством, кто за советом, и больные из города тоже случались, но не в таком плачевном виде и не в этот неурочный час. Может, избили его или сам изувечился?.. – подумал Глеб, выскочил в палисадник и подхватил недужного. Тот едва держался на ногах, но сознания не потерял и

прохрипел на русском: «Быть в покой... ты не сообщать... никто, ничего, никому... не сообщать, не извещать, не информировать...» Так и пролежал в покое семнадцать дней, а теперь – орел! Не качается, огонь из пальцев пускает и говорит не запинаясь! Стасис... трансгрессия... мираж... иллюзорная не-жизнь... Понять бы только эти речи!

Transgressio, произнес Глеб про себя, повторил на привычной медику латыни. Это означает «переход» и, вероятно, относится к его путешествию, а с остальным разберемся позже. Надо бы в дом вернуться, а то пришелец – в чем мать родила, хотя насчет матери есть сомнения... Но кто бы его ни родил, нельзя держать мужика голым на улице, в общественном месте! Неприлично! Слава богу, уже сумерки, ночь наступает...

Совсем успокоившись, он коснулся холодного мускулистого плеча.

– Идем домой. Тебе надо одеться. У нас не принято ходить в таком виде.

С этими словами Глеб направился к дороге. Пришелец послушно шагал следом, бормоча: «Одежда, облачение, платье, наряд... не принято в таком виде... принято в одежде...» Они быстро пересекли улицу и палисадник перед домом, Глеб распахнул дверь и втолкнул гостя в прихожую. Марина с фотографии удивленно посмотрела на голого человека и даже будто бы с неодобрением покачала головой.

– Ничего, милая, сейчас мы его приоденем, – сказал Глеб. – Комбинезон его где? Правильно, в шкафу... вот он лежит... Ну, натягивай свое платье-облачение-наряд.

Наряд в самом деле походил на черный комбинезон с разрезом от шеи до паха и болтавшимися внизу башмаками. Пришелец влез в него, не спуская взгляда с портрета Марины. Затем произнес с вопросительной интонацией:

– Женщина?

– Да. Моя жена.

– Где?

– Здесь ее нет. Умерла.

– У-мер-ла... – задумчиво повторил пришелец. – Старая?

У Глеба перехватило горло.

– Нет, совсем молодая, – выдавил он. – Умерла от болезни.

– Мы поняли, – сообщил гость. – Ты молодой и тоже мог умереть. Не-жизнь в стасисе – иллюзия, но смерть там реальна. Мы тебя извлекли/вытащили.

Вот оно что! – подумал Глеб. Значит, вытащили! И попытался уточнить:

– Кто вытащил? Ты?

– Мы.

– Каким образом?

– Есть метод. Контроль волн причинности, развоплощение возможных событий и лучевой удар, – последовал ответ.

Хмыкнув, Глеб повел его в комнату на первом этаже, где обычно занимался с больными. Кроме письменного стола с компьютером и кресла здесь находились большое зеркало, напольные весы, кушетка, пара стульев и диванчик у окна для посетителей. Стену напротив дивана занимали полки с лекарствами и нехитрым медицинским инструментом: тонометр, глюкометр, три стетоскопа и прочее в том же роде. Включив свет, Глеб внимательно осмотрел гостя, отметил, что дышит тот как положено, раз в две-три секунды, затем взял его за руку и попытался нащупать пульс. Пульса, как и прежде, не нашлось. Он покосился на тонометр, но решил, что измерять давление крови – бессмысленное дело. Какое давление, раз пульса нет?

– Ты в порядке? Я имею в виду самочувствие.

– Мы функционируем нормально. В режиме, подходящем для этого мира.

– Почему «мы»? Ты здесь один и должен упоминать себя в единственном числе.

– Неверный вывод. – Подумав, пришелец добавил: – Если желаешь, способ личного упоминания будет изменен.

– Да, желаю. А заодно хотелось бы узнать твоё имя.

– Защитник.

– И кого ты защищаешь?

– Тебя. Человеческое существо Глеба Соболева.

«Имя знает и фамилию, – подумал Глеб. – Можно сказать, большое внимание со стороны космических сил! Только почему? Вдруг я внебрачный сын императора Галактики? Законный наследник разбит паркинсоном и впал в слабоумие, так что мой черед присесть на трон...»

Он усмехнулся и хотел спросить, кого же ему опасаться, но вспомнил про башню, про роботов с пальцами-клинками, про своё странное умоисступление, и решил, что этот вопрос подождет. Наверняка у папы-императора полно врагов, хитрых интриганов, так что принцу-бастарду и впрямь нужна защита.

– Защитник – это функция, – промолвил Глеб. – Я врач, но может быть много врачей, много защитников. А врач Глеб Соболев – один. По крайней мере, в этом городе.

– Концепция имени нам... мне непривычна, – отозвался Защитник. – Но мы... я... действую в рамках культурной среды. Мне необходимо имя?

– Да.

Взгляд гостя заметался по комнате. Нет, не так – он осматривал помещение быстро, но очень сосредоточенно, задерживаясь на каждом предмете: стол, компьютер, кушетка, полки с аптечкой, флаконы, упаковки лекарств, банки с витаминами, мази и бальзамы... Все это было расставлено в строгом порядке: нитроминт, предуктал, монокинкве, целая коллекция сердечных препаратов; хинаприл, коринфар и прочее, что нужно при артериальной гипертензии; кетонал, фебродид, напроксен и два десятка гелей, какими пользуют больных с подагрой и артритом. Ещё – средства от гриппа и простуды, от изжоги и ангины, от аллергии, диареи и мигрени, капли от насморка, снотворное и – отдельно, в крохотном сейфе под замком – кое-какие нейролептики. Вряд ли гость нуждался в чем-то из этого набора, но взирал на коробки и банки с большим вниманием.

Наконец он произнес:

– Йокс!

– Что – йокс? – не понял Глеб.

– Я выбрал имя. Меня зовут Йокс.

Глеб направился к полкам, снял флакончик с яркой надписью, покачал его в ладони. Чешский препарат, едкий спрей на основе йода, которым санируют полость рта и горло... На вкус, скажем прямо, не подарок, но звучит энергично... Йокс! Ладно, пусть будет Йокс. Все же лучше, чем пурген.

– Поздравляю, имя у тебя есть, – промолвил он. – Теперь скажи, откуда ты явился?

Йокс вроде бы впал в задумчивость. Утверждать это с определенностью было тяжело – никаких эмоций на его физиономии не замечалось. Размышлял он с минуту, потом произнес:

– Объяснять/информировать долгий процесс. Не хватает терминов. Необходимо подбирать.

– Ладно! Подберешь и после расскажешь. – Глеб махнул рукой. – Я так понимаю, что защищать ты должен только меня. Почему? Я больше других нуждаюсь в защите?

– Да. Ценная особь. Уникальная, – пояснил пришелец.

– Приятно слышать, – отозвался Глеб, осматривая себя в зеркале. Ничего уникального или ценного он там не обнаружил и, вздохнув, сказал: – Знаешь, я ведь врач, работаю в госпитале, встречаюсь со множеством людей. Иногда хожу куда-то... в магазин, в кафе, на рынок, когда нужны продукты... И что же, ты всюду будешь со мной?

– Всюду, – подтвердил Йокс. – Всюду и везде защищать/охранять.

Представив, как пришелец в черном комбинезоне повсюду таскается за ним, Глеб содрогнулся.

– Значит, везде! Но это... хмм... затруднительно. Тебя не пустят в операционную, да и на улице ты будешь привлекать внимание.

– Разве я не похож на человека?

– Только внешне. Человек – это еще и манера поведения, мимика, одежда, речь и многое другое. Среди людей ты будешь выглядеть очень странно.

– Те, кто послал меня, не ошибаются: я выгляжу как разумное существо, обитающее в кислородно-азотной среде, – заявил Йокс. – Однако мне следует адаптироваться к вашему поведенческому стереотипу. Я буду наблюдать и спрашивать.

– Хорошая мысль, – согласился Глеб. – А пока сиди в доме и смотри телевизор.

– Неприемлемо. Я должен находиться рядом с тобой.

– В таком виде? – Глеб оглядел его комбинезон и тяжелые башмаки. Экзотическое одеяние для летнего Сплита!

– Нет, не в таком. Есть другой режим, – откликнулся пришелец и исчез.

Только что стоял у дивана и словно растаял в воздухе! Ни следа, ни звука, а уж запаха и подавно нет!

Глеб в изумлении завертел головой, заглянул под кушетку, ощупал весы, покосился на полки с аптечкой, но среди пузырьков и банок Йокса тоже не было. Где же он? Дыхания не слышно и шорохов тоже... Вознесся в космос?... Однако потолок и стены целы, окошко притворено... А должна быть дыра, если он улетел! Хотя куда же улетать? Сказано ясно: должен находиться рядом с тобой! Всюду и везде!

– Йокс, – позвал Глеб. – Йокс, где ты?

– Здесь, – ответила пустота между диваном и окном. – Я здесь. Присутствую.

На мгновение темный силуэт выступил из стены и тут же будто слился с нею. И снова – ни следа, ни звука, ни запаха...

Глава 3

Середина июня, Дублин

Доктор Шон О'Рейли, лауреат премии Адама Смита⁴, был швейцарским гражданином, но его сердце принадлежало Ирландии. По крайней мере, он так утверждал, хотя не торопился перебраться на родину предков: кроме сердца существовали еще и другие органы, которым гораздо больше подходил климат Женевы, нежели Дублина. В данном случае под «климатом» понимались не количество солнечных дней, не осадки, ветры и тому подобное, а финансовое благополучие той или иной страны, уровень комфорта, стабильность и щедрые гонорары в ЦЕРР⁵, где Шон О'Рейли числился ведущим консультантом. Однако каждый год он посещал Ирландию, чтобы прочесть курс политэкономии и социологии в дублинском Тринити-Колледже⁶. Говоря откровенно, эти визиты были вызваны отнюдь не тоской по ирландским холмам и полям, а прозаической причиной: почему-то в Ирландии ему думалось гораздо лучше, чем в Женеве. Он уезжал отсюда с ворохом новых идей, которых хватало для интенсивной работы на три-четыре года; рождались они на ирландской почве, а доводить их до ума, до реальных моделей, книг и статей предстояло в его уютном кабинете в ЦЕРРе.

Курс он читал для политэкономов, но на последней лекции аудитория была забита до отказа: преподаватели и студенты со всех шести факультетов, филологи и физики, кибернетики и лингвисты, математики и медики. Разумеется, пресса, а временами – важные шишки из правительства и гости из Англии и с континента. Набиралось до пятисот человек, и уже три года О'Рейли выступал в Ректорском зале, что стало признанием его заслуг и, безусловно, интереса научного сообщества к его теориям. Возможно, кто-то расценивал лекцию как шоу и повод поразвлечься или считал О'Рейли одним из конъюнктурщиков, что спекулируют на страхе перед концом света. Но это было большой ошибкой. Свои теории Шон возводил на прочном фундаменте фактов, и то, что из них вытекало, являлось симбиозом дара предвидения и безупречной логики. К сожалению, его выводы нравились не всем.

Он стоял на возвышении под огромным экраном, глядя в переполненный зал. Оттуда на О'Рейли смотрели тысяча глаз и дюжина телекамер, но это его не смущало – он привык к публичным выступлениям. Как эксперта ЦЕРР его приглашали на заседания комиссий очень высокого ранга, в Европарламент, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Но там решались частные вопросы: кому дать денег, кому не давать, кому объявить бойкот и эмбарго, с кого взыскать долги. О судьбах планеты и населяющих ее людей там не очень беспокоились.

– Дамы и господа, благодарю за внимание, проявленное к моим исследованиям, – произнес О'Рейли. Его голос, усиленный микрофонами, раскатился по залу, огромное лицо на экране было видно с последних рядов, где сидели студенты. Он поднял руку в знак приветствия и продолжил: – Моя последняя лекция не столько завершает курс, сколько имеет целью представить опасности, подстерегающие нашу цивилизацию. Если помните, о некоторых мы уже говорили месяцем раньше. Я имею в виду не традиционные угрозы, такие, как ядерная война, техногенная катастрофа, проблемы с экологией или падение гигантского метеорита, – тут он позволил себе усмехнуться, – а нечто более реальное: холодный коллапс.

⁴ Адам Смит (1723–1790) – великий английский экономист, основоположник современной экономической теории. Премия его имени вручается National Association for Business Economics (NABE), США, начиная с 1982 года. Премию вручают «за лидирующее положение среди профессионалов-экономистов и использование идей и знаний на рабочем месте и в политической деятельности» (цитата из устава NABE).

⁵ ЦЕРР – Центр европейского развития и реконструкции, международный экономический и политический институт, штаб-квартира которого находится в Женеве (в реальности не существует).

⁶ Тринити-Колледж – Дублинский университет, старейшее учебное заведение Ирландии, основанное в 1592 году.

Термин являлся его изобретением и вошел в практику после недавнего экономического кризиса. Гибель мира может случиться по ряду причин, связанных с войнами, загрязнением планеты, пандемией, истощением ресурсов и даже с метеоритом, который прикончит все живое на Земле. Но это – «горячие» катаклизмы, «горячие» точки на линии прогресса; их признак – ясно видимые разрушения, гибель множества людей, гнев небес, земли и вод, всемирный апокалипсис. Но есть другой сценарий – рак, что может поразить финансово-экономическую систему. Кризис платежей, дефолты, инфляция, стагнация производства, обвал рынков, потеря рабочих мест, и, как следствие, сотни миллионов голодающих, обреченных на смерть. Холодный коллапс... Никаких войн, ядерных взрывов и смертоносных вирусов, никаких землетрясений и цунами, и, конечно, никаких метеоритов...

О'Рейли говорил на эту тему минуты три-четыре, пристально всматриваясь в лица слушателей в первых рядах. Собственно, искал он одно лицо – Тома Хиггинса, репортера из Лондона, научного обозревателя «Обсервер» и «Дейли телеграф». О'Рейли пригласили в Дублин восемь лет назад, и это было почетное приглашение – ему еще не исполнилось сорока, когда он был признан выдающимся социологом и финансовым аналитиком, что отметили престижной премией Адама Смита. В первый же свой визит он встретился с Хиггинсом – тот подошел к О'Рейли, поздравил с удачным докладом, после чего они, для закрепления знакомства, посидели в ирландском пабе «Кухулин». С тех пор это стало традицией. Том был интересным собеседником, отличался немногословием, зато умел слушать и задавать вопросы. Неординарный человек! Из тех редких людей, чье мнение О'Рейли ценил, а вопросы, бывало, обдумывал месяцами.

Хиггинс всегда садился во втором ряду слева, с самого края. Удивительно, но это место никто не занимал, даже попыток таких не делал – возможно, «Дейли телеграф» или «Обсервер» резервировали его для Тома. Семь лет, с первой их встречи, О'Рейли высматривал там Хиггинса и делал только им понятный жест, будто приподнимая кружку с пивом. Том улыбался и хлопал по карману – в знак того, что угощает он.

Но сегодня Тома на привычном месте не оказалось. В его кресле устроился молодой парень, белобрысый, сероглазый и широкоскулый, в синем джемпере с какой-то непонятной надписью. Явный студент, решил О'Рейли и недовольно поморщился. Для этого было целых две причины: нахал занял место Хиггинса, но если бы оно и осталось свободным, первые ряды не для студентов. Здесь сидела серьезная публика – ученые мужи, увенчанные академическими лаврами.

О'Рейли осмотрел аудиторию, но Хиггинса не обнаружил. Впрочем, недовольство скоро улетучилось, лекция захватила его; как всегда в этом зале, он ощутил подъем и необычный прилив сил, позволявший излагать свои мысли ясно, четко, убедительно.

– Я коснусь феномена, который изучаю в последние годы, но перед этим напомним о роли научных разработок, – произнес он. – Угрозы, в том числе холодный коллапс, можно преодолеть единственным способом: гармонично развивая все отрасли знания, физику, биологию, общественные науки и, разумеется, используя новую информацию во благо человечества. Поистине наука – наш щит против любых катастроф! Чем больше мы знаем, тем в большей безопасности наша среда обитания, наш социум, наши жизни. Это бесспорно так. Но!.. – О'Рейли сделал многозначительную паузу. – Но взгляните на цену, которую мы платим! Фарадей, Ампер, Лавуазье, другие естествоиспытатели прошлого имели скромные лаборатории, не отягощавшие бюджет Англии, Франции, любой страны тех времен. В эпоху Резерфорда, Эйнштейна, Бора, Ферми стоимость исследований резко возросла, и во второй половине двадцатого века появились ускорители частиц, радиотелескопы, спутники и сложная техника для биологических экспериментов. Некоторые научно-инженерные разработки поглощали огромные средства – вспомните Манхэттенский проект и космические

программы американцев и русских. Что же мы имеем сейчас? Повторю: взгляните на цену, которую мы платим!

На экране за его спиной появилась таблица: МКС⁷, адронный коллайдер, генетические исследования, освоение Луны, корабль для марсианской экспедиции, программа возобновления атмосферы на Марсе, альтернативные источники энергии, еще с десятков позиций. Стоимость каждого проекта впечатляла – много больше, чем валовой доход Ирландии, Португалии или Египта.

Аудитория загудела. В первом ряду поднялся седовласый мужчина, смутно знакомый О'Рейли – то ли Клод Филибер, член правления Всемирного банка, то ли профессор Караманлис из Афин. Возмущенно фыркнув, он заявил:

– Кажется, доктор О'Рейли, вы предлагаете остановить прогресс! Не вижу иного объяснения для ваших речей и этих оценок!

Седовласый снова фыркнул и вытянул руку к экрану.

Точно, Филибер! – вспомнил О'Рейли. Всемирный банк финансировал ряд космических проектов, включая многоразовые шаттлы для полетов на Луну.

Он желчно усмехнулся.

– Вы, мсье Филибер, не видите иного объяснения, и потому сидите в банке, а не в научном центре. Надеюсь, что на своем высоком посту вы не склонны к столь скоропалительным выводам!

Филибер побагровел. Не обращая на него внимания, О'Рейли произнес:

– Поясню свою мысль. Мы можем констатировать, что стоимость крупных научных проектов достигла такого уровня, когда они непосильны отдельным державам, даже весьма состоятельным, и могут финансироваться лишь мировым сообществом. Но у нас еще хватает средств, чтобы вести работы в разных направлениях, по многим векторам. – Он повернулся к таблице. – Физика, космонавтика, медицина, нанотехнология, энергетика, значимые проекты в социальной сфере... Но что дальше? Несомненно, цена исследований будет расти, и уже в этом столетии мы достигнем потолка, когда финансировать весь спектр разработок будет невозможно. Это, господа, тот критический момент, та ситуация выбора, когда придется решать в пользу космических проектов, или безотходного производства, или продляющих жизнь лекарств, или чего-то еще, не менее важного. Мы попадем в суживающийся коридор, и, в случае неверного решения, он приведет нас к тупику.

О'Рейли смолк. Его взгляд блуждал по лицам сидевших в зале, но он их не видел, он смотрел в грядущее, не столь уж далекое и туманное. Его расчеты показывали, что критический момент наступит лет через сорок-пятьдесят и что можно его оттянуть на такое же время, если прекратятся войны, рост земного населения и бездумная трата природных ресурсов. Но он был реалистом и понимал, что справиться с этим не удастся – по крайней мере, не в ближайшие десятилетия. Третья мировая уже началась, вылившись в цепь локальных конфликтов в Ираке, Афганистане, Сербии, Ливии, Египте, и хоть то были местные войны, убыток исчислялся миллиардами. Демографическая проблема в Китае, Индии и мусульманских странах даже не обсуждалась, там усердно плодили детей и нищету. Что до общества потребления, то ни Европа, ни Штаты не желали жить скромнее, с одной машиной в гараже и одним телевизором в доме. Там продолжался пир, хотя чума уже стояла на пороге.

Внезапно О'Рейли поймал взгляд белобрысого – того, кто устроился в кресле Тома Хиггинса. Острый пристальный взгляд, совсем не подходящий для юного студента...

– Как-то мне попалась книга одного фантаста, – медленно промолвил О'Рейли. – Название меня поразило: «Опоздавшие к лету», почти пророческая фраза... В контексте моего сообщения «лето» можно рассматривать как апогей прогресса на нашей планете, точку

⁷ МКС – Международная космическая станция.

зенита, когда могущество науки откроет нам дорогу к звездам и принесет иные чудесные дары. Но сейчас мы блуждаем в сумерках... я бы сказал, мы находимся в эпохе *tertia vigilia*, на третьей страже перед восходом солнца. Увидим ли мы лето, увидим ли рассвет или окажемся в тупике?.. Это зависит от верного выбора в тот час, когда мы осознаем ограниченность своих ресурсов. Здесь нельзя ошибиться, иначе мы опоздаем к лету. Ошибка равна гибели нашей цивилизации.

Он склонил голову и покинул трибуну. Зал безмолвствовал.

* * *

Спустя пару часов Шон О'Рейли сидел в пабе «Кухулин», пил темный «гиннесс» и мрачно размышлял о том, куда подевался его приятель-репортер. Последняя лекция была прочитана, в кармане лежал билет на вечерний рейс в Женеву, и воодушевление, владевшее О'Рейли, покинуло его. Без Хиггинса очередной визит на родину предков казался ему неудачным, и вторая пинта «гиннесса» не могла исправить дело. Он знал Тома как человека пунктуального, преданного своей профессии, водившего если не дружбу, то знакомство со многими великими умами – Пенроузом, Хокингом, Смейлом, Карлом Поппером. Он даже слегка ревновал Хиггинса к этой компании, понимая в то же время, что и сам принадлежит к кругу избранных, к оригинальным мыслителям планеты. Общаясь с такими людьми, Том проявлял неизменную аккуратность, никогда не опаздывал и был точен, как механизм швейцарских часов.

Так где же он?.. Позвонить или отправить письмо?.. Но не будет ли это воспринято как обида? Обида на то, что Хиггинс будто бы обделил его вниманием?..

– Могу ли я присоединиться к вам, доктор О'Рейли? – вдруг послышалось за его спиной.

Он повернул голову. Надо же, белобрысый! Стоит с кружкой пива и явной печалью на лице, словно студент, заваливший экзамен!

Нет, не студент, решил О'Рейли, не студент и далеко не юноша, просто выглядит молоджавым. Но вблизи заметно, что ему за сорок – волосы чуть поредели, у глаз морщинки, держится уверенно. Словом, не мальчик, но муж! И этот его джемпер... вернее, надпись на джемпере... похоже, славянская кириллица... Серб?.. Болгарин?.. Может быть, он что-то знает о Хиггинсе?..

– Садитесь, – О'Рейли кивнул на свободный стул. – С кем имею честь?..

– Профессор Грибачев, – промолвил белобрысый с едва заметным акцентом, устраиваясь у стола. – Из Петербурга. Если еще точнее, из Петербургского университета. Историк и социолог. – С тем же печальным видом он отхлебнул пива, опустил кружку и заметил: – Блестящую лекцию вы прочитали. Но публика была немного шокирована – пожалуй, даже не немного, а весьма и весьма. Аплодисменты раздались, когда вы покинули аудиторию.

О'Рейли выпятил губу, махнул рукой – его такие мелочи не волновали. Затем поинтересовался:

– Как вы меня нашли?

– Том говорил, что вам нравится это место. – Грибачев покосился на дубовую стойку, где наливались пивом с десятков дородных ирландцев, на пузатого бармена в переднике и шеренгу бочек за его спиной. Затем добавил: – Том Хиггинс, мой друг.

Нехорошее предчувствие внезапно кольнуло О'Рейли. Он скрестил руки на груди, будто пытаясь умерить биение сердца, и произнес:

– Значит, Том ваш друг... Что с ним?

– Погиб в Лондоне, в автокатастрофе. Недавно, в начале мая. – Грибачев опустил глаза, уставился в стол. – Я здесь, чтобы рассказать вам об этой трагической случайности... Том был хорошим человеком.

– Умным и непредвзятым во мнениях, – пробормотал О'Рейли, чувствуя, как леденеет сердце. Удар был слишком тяжел. Он склонился над столом, опустил голову и шепнул: – Какая нелепая смерть... какая внезапная... Том погиб, а этот... этот социальный планктон живет! – Его взгляд метнулся к стойке и посетителям с пивными животами.

– Простите, что я стал вестником несчастья, – откликнулся Грибачев, поднимая кружку. – Помянем его. У нас в России говорят: пусть земля будет ему пухом.

Они молча выпили. Потом О'Рейли протянул руку и сказал:

– Шон.

– Павел. Если угодно, Пауль или Пол.

Ладонь у него была широкой и сильной, рукопожатие – крепким.

– Том посещал мои лекции, – произнес О'Рейли. – Разумеется, не каждую, а те, что завершали курс. Он говорил, что ему интересны мои маленькие открытия... Потом мы шли сюда, в этот паб, выпивали пару кружек и беседовали. – Вздохнув, он закончил: – Теперь этого не будет...

– Я вас понимаю. – Грибачев задумчиво покивал головой. – В утешение скажу лишь одно: жизнь не стоит на месте, и мы, социологи, знаем об этом лучше других. Мы лишаемся каких-то привязанностей, но проходит срок, и время дарит нам что-то новое.

С минуту О'Рейли всматривался в его лицо, печальное, но спокойное. От этого человека исходила та же эманация уверенности и силы, какую он обычно ощущал в присутствии Хиггинса. Странно! Профессор из Москвы был совсем не похож на Тома, иначе двигался, иначе говорил, однако между ними наблюдалось нечто общее – возможно, внимание к собеседнику?... манера слушать?... или то, что они оба казались моложе своих лет?..

Внезапно О'Рейли спросил:

– Скажите, Пол, случайно ли вы сели на место Тома? Или пожелали привлечь мое внимание?

Грибачев улыбнулся.

– Мне, как и вам, приходится читать лекции, у себя в Петербурге, в Москве или за рубежом. Я знаю, как приятен лектору доброжелательный слушатель, хотя бы один в переполненном зале. Тот, на кого смотришь, кому рассказываешь, ощущая его заинтересованность... Хотя бы один человек, который слушает и понимает... А ведь вы, Шон, говорили о страшных вещах, невольно отторгаемых нашим сознанием! О конце света, который может произойти неожиданно и совсем не так, как мы обычно представляем! Хиггинс вас бы внимательно выслушал... Я тоже.

– Значит, это не случайность... – пробормотал О'Рейли. – Мне так и показалось...

– Дублин, Тринити-Колледж, второй ряд слева. Там всегда будет сидеть человек, которому ваша лекция особенно интересна, – раздалось в ответ.

– Тот самый доброжелательный слушатель?

– Несомненно.

– Вы, Пол?

– Нет. Скорее всего, нет. Я... – Грибачев замялся, – я занят в Петербурге, иногда меня приглашают в другие города России, в Китай, Японию, Индию... Но могу вас заверить, что тот, кого вы увидите на месте Хиггинса, будет достойным человеком и подходящим собеседником. Можете ему доверять.

О'Рейли приподнял бровь.

– Кто-то меня опекает?

– Нет. Кто-то хочет, чтобы вы трудились долго и продуктивно. Ведь это совпадает с вашим желанием, не так ли? – Сделав паузу, Грибачев продолжил: – Но не будем касаться таких мелочей, а обсудим дела серьезные. Ваша концепция «третьей стражи» и грядущего выбора, который может стать роковым, показалась мне очень интересной. Но все, в конце концов, во власти времени... Какой срок, по вашей оценке, нам отпущен? Наверняка вы размышляли на эту тему.

«Он видит суть проблемы, – подумал О’Рейли. – Время в самом деле решает все... Мы, люди, мчимся наперегонки со своим невежеством, расточительностью, неумением договориться о вещах, от которых зависит наша жизнь... Кто победит в этом забеге?»

Он начал говорить. Грибачев слушал внимательно, иногда задавая вопросы, и вскоре О’Рейли показалось, что напротив него сидит Том Хиггинс.

Глава 4

Сплит и вне Сплита

Утром, когда Глеб выходил из дома, встретились ему две соседки – Ангелка, мило-видная жена Славо, и фрау Розалинда Шнитке с пекинесом. Фрау была немкой из Баварии, дамой в годах, поселившейся в Сплите лет двадцать назад после смерти супруга. Прижилась она в этих теплых краях отлично и даже выучила хорватский, так как любила перемывать косточки ближним – а коль живешь в Хорватии, то и сплетничать лучше на местном языке. Впрочем, ее недостаток был вполне терпимым – злобных слухов она не распускала.

Глеб поздоровался. Ангелка в ответ улыбнулась, а фрау Шнитке чопорно склонила голову в седых бучках.

– Гутен таг, герр доктор.

Так она всегда называла Глеба и, кажется, искренне гордилась знакомством с одним из лучших медиков на побережье. В свой черед, Глеб избавил ее от запоров и не отказывал в советах по части диетического питания. В общем, фрау была очень к нему расположена, одаривала шнапсом и французским коньяком и иногда забегала поболтать с Мариной.

Но сегодня она смотрела как-то странно – с подозрением, если уж говорить начистоту. Смотрела так, будто он пнул ее любимого пекинеса в откормленное брюхо.

– У вас все в порядке, герр доктор?

– В порядке, фрау Роза. – Глеб вздохнул. – В порядке, если это теперь возможно.

Ангелка опечалилась. Кажется, все женщины с окрестных улиц знали о том, что русский доктор – такой молодой, такой симпатичный! – потерял жену, и все его жалели. Душев-ный народ хорваты – особенно хорватки! А самая лучшая среди них...

Он провел ладонью по лицу, стирая горестные мысли.

Фрау Шнитке не собиралась заканчивать с расспросами.

– Вас вчера не беспокоили, герр доктор? Никто к вам не вломился? Какой-нибудь без-домный или – храни нас дева Мария! – вор?

– Не помню, чтобы в Солине водились воры, – сказал Глеб. – У нас тут половина домов не запирается.

– Но я видела, видела! – Фрау уставилась на него выцветшими голубыми глазками. – Вчера, незадолго до заката, по улице бродил подозрительный тип... Мужчина!

– Пьяный? – спросила Ангелка, всплеснув руками.

– Голый! Абсолютно голый, моя дорогая! – Пекинес возмущенно твякнул, а фрау Шнитке покосилась на палисадник Глеба и добавила: – Голый, бледный и очень, очень мускулистый! Настоящий бандит по виду!

– Бандиты голыми не ходят, – возразил Глеб. – Они вообще не ходят, а ездят в роскош-ных «Кадиллаках».

– Герр доктор изволит шутить... Но я не слепая и видела голого мужчину! Вечером, у вашего дома! – Фрау Шнитке перевела дух. – Впрочем, на том, что он бандит, настаивать не буду. Возможно, у него совсем другие интересы.

«Черт! Глазастая немка!» – подумал Глеб и взглянул на часы.

– Простите, милые дамы, спешу в госпиталь. Фрау Роза, если снова увидите этого типа, вызовем полицию. Не дело, чтобы по Солину бродили голые бандиты и пугали женщин.

Он поспешно ретировался. Вслед ему донеслось:

– У одиноких мужчин бывают такие странные причуды... Стыдно даже подумать, не то что сказать...

– Жениться ему надо, – промолвила Ангелка. – Будет в постели жена, причуды и кон-чатся. Вот у Славо моего сестрица есть... Огонь девка!

Глеб залез в машину, в свой синий «Пежо», включил мотор и, объехав древний амфитеатр, покатил с холма вниз, к городу. Песок в кольце каменных стен и скамей лежал ровным слоем, и ничто не напоминало о жутком вчерашнем мороке. Над горами поднялось солнце, его ослепительный диск уже изливал на дома, дворцы и соборы щедрые потоки света. День обещал быть знойным, но в этот ранний утренний час с моря тянуло прохладой. Ветерок, забравшийся в кабину, взъерошил Глебу волосы.

– Йокс, ты здесь? – спросил он.

– Присутствую, – послышалось в ответ.

– Ты меня компрометируешь. Те женщины, что встретились мне... Одна из них видела, как ты вчера бегал голышом. Может, разглядела, что я повел тебя к дому... И теперь у нее на мой счет самые черные подозрения.

– Черное – символ недоброжелательности, – отозвался с заднего сиденья невидимый пришелец. – Если хочешь, эта женщина исчезнет.

– И куда ты намерен ее отправить? В стасис? В иллюзорную не-жизнь?

– Имеются более простые способы, – лаконично сообщил Защитник.

– Эй, послушай, – встревожился Глеб, – ты поаккуратнее с этими исчезновениями! У нас так не принято! В нашем мире считается, что жизнь человека священна!

– Это противоречит полученной мной информации, – прошелестел тихий голос. – Ваш мир – такое же побоище, как Гирхадна'пеластри. Разве у вас не убивают?

– Убивают, но лишь в определенных обстоятельствах, и к фрау Розе они неприменимы, – сказал Глеб, выезжая на улицу Загорский путь. Затем поинтересовался: – А эта Гирхадна, должно быть, местечко не очень приятное? Твоя родина?

– Нет. Метановая планета.

Йокс замолчал. Глебу хотелось его расспросить, но для серьезных бесед время не подходило – он уже свернул на Велебитскую, и впереди засверкали в солнечном свете окна больничных корпусов. К тому же настроение у него было неважное – ночью спал он плохо, мерещились ему то бронированные твари с пальцами-кинками, то монстры с человеческой головой и телом осьминога, то всякие другие ужасы. Глеб метался, звал Марину, но она исчезла куда-то – на время или, возможно, навсегда.

Пятиэтажный хирургический корпус стоял в глубине двора, за шеренгой пиний с кронами-зонтиками. Глеб вдохнул их смолистый аромат, прищурился на солнце, сверил время по часам. Без пяти девять... Все как обычно: сосны тихо шелестят ветвями, с моря веет бриз, небо ясное, и нет в нем ни летающих тарелок, ни десанта роботов, ни иных чудес. Он переступил порог, кивнул Слободану Хотичу, хирургу ночной смены, а потом забыл о пришельцах и дурных снах. Забыл обо всем постороннем, окунувшись в знакомый и такой привычный мир звуков и запахов, белых халатов, шелеста бумаги и тихих голосов, что доносились из ординаторской.

* * *

Последняя операция выдалась нелегкой – резекция желудка у семнадцатилетней девушки. Ее привезли из горного села с перитонитом и внутренним кровоизлиянием, когда уже не имелось других альтернатив: резать, и только резать. Глеб резал, проклиная про себя родичей юной пациентки; то, что исправлялось сейчас ланцетом, можно было вылечить разумно подобранной терапией. Можно, если бы не упущенное время! В его понятиях хирург являлся крайним в череде врачей, боровшихся с недугами, хирурга призывали в тот момент, когда исчерпаны другие средства, когда больной либо ляжет под нож, либо умрет.

Девушка напомнила ему Марину – те же тонкие черты, темные волнистые волосы – и потому ее было жалко вдвойне. Из-за прободения он удалил две трети желудка, а это озна-

чало, что пациентка станет инвалидом на всю свою жизнь, будет есть понемногу, как воробышек, и вряд ли выносит дитя. Копаясь под светом бестеневых ламп в человеческих внутренностях, Глеб в который раз решал дилемму: ущербная жизнь или быстрая смерть – что лучше?.. Угаснуть, как Марина, или все-таки жить, мучаясь и мечтая о вечном забвении?.. Иного выбора не имелось – по крайней мере, у человеческих существ. Возможно там, откуда прибыл Йокс, медики не лечили недужных, а просто наделяли их новыми телами, но на Земле это было фантастикой. Несмотря на успехи в клонировании крыс и овец, люди размножались старым проверенным способом, и тело, полученное при рождении, служило им до самой смерти.

Вспомнив про Йокса, Глеб на секунду отвлекся, поднял голову, и сестра Радмила вытерла ему вспотевший лоб. Не так много места было в операционной: посередине – стол, у стола – хирург Соболев, два его ассистента, анестезиолог, две медсестры и студент-стажер, поблизости – Воислав Першич, реаниматор, спец по медицинской технике. Техника эта громоздилась у стен – система телеметрии, искусственные легкие, станция переливания крови, сканер сердечного ритма, дюжина других приборов... Где тут поместиться Йоксу?.. Но он находился здесь – невидимый, неслышимый, неосязаемый. Возможно, висел где-то у потолка, если левитация входила в число его талантов.

Глеб закончил в седьмом часу, принял душ, переоделся, сел в машину. Была пятница, преддверие выходных; вечером они с Бранко и Воиславом договорились встретиться в «Иллирии»⁸, маленькой таверне в старом императорском дворце у моря. Добираться решили порознь; Бранко освободился раньше хирургов, а Воислав хотел заехать за женой. Когда-то и Глеб привозил Марину на эти пятничные посиделки... Она трудилась неподалеку, в колледже туроператоров на Велебитской, преподавала русский, итальянский и английский, у нее был потрясающий дар к языкам.

Был... Сложив ладони на руле, Глеб уткнулся в них лбом и посидел так минуту-другую. Напряжение медленно покидало его, черты девушки-пациентки, застывшие под наркозом, уплывали из памяти. Ему хотелось выпить – не дома, где стояли нетронутые подношения больных, а в компании; расслабиться, выпить с друзьями, поговорить. Бранко с Воиславом очень для этого подходили. Еще, конечно, Джакопо.

Он выехал на улицу и, метнув взгляд на пустое заднее сиденье, поинтересовался:

– Йокс, ты заглянул в операционную? В то помещение, где я...

– Где ты и твои помощники вскрывали тела людей, – перебил пришелец. – Я находился/присутствовал там вместе с тобой.

«Вскрывали тела... Вот как он это воспринимает...» – мелькнула мысль у Глеба.

– Это лечение, особое лечение. Если не отсечь больную ткань, человек умрет. Нужно оказать ему помощь. Ты понимаешь, зачем мы это делали?

– Такая информация имеется, – откликнулся бесстрастный голос. – Помощь, лечение... Очень примитивное.

– У вас лечат иначе?

– Не лечат. Нет необходимости.

– Но когда ты пришел в мой дом, ты нуждался в помощи. Ты был болен и едва мог передвигаться.

– Не был. Не мог функционировать. Адаптация шла слишком быстро.

– Адаптация?

⁸ **Иллирия** – так в античный период называлось Адриатическое побережье Хорватии, известное в более поздние времена как Далмация. Кроме вина, оливкового масла, чистого моря и множества островов достопримечательностью этих мест были пираты – сначала иллирийские, а потом далматинские.

– Да. Гирхадна'пеластри метановая планета, а здесь кислородный мир. Необходима перестройка организма.

Организма!.. Любопытно... Брови Глеба приподнялись. У него сложилось впечатление, что Йокс не живое существо, а человекоподобный андроид, робот, проще говоря. Будь его гость живым, то есть продуктом естественной эволюции, вряд ли он смог бы метать огонь из пальцев... Тем более разгуливать без скафандра, явившись на Землю с метановой планеты! Говорил он тоже странновато, хотя кто знает, как говорят инопланетные пришельцы... Опыта в таких делах у Глеба не было, но все-таки ему казалось, что Йокс скорее собран на конвейере, а не зачат в материнской утробе. И вот на тебе – организм! У роботов не организм, а конструкция...

Он повернул на Вуковарскую и добрался до угла с Вашингтоновой. Отсюда было рукой подать до набережной и древнего дворца, последней резиденции Гая Аврелия Диоклетиана, где император, удалившись на покой, читал греческих философов и выращивал капусту. Дворцовые башни уже маячили впереди на фоне неба и моря, но Глеб притормозил – помешало ему что-то странное, такое, чего раньше он не замечал.

Аптека... Здесь, на углу, был банк, старинное здание еще австрийской постройки. Желтое, трехэтажное, с лепным декором по фасаду и фонтанчиком в небольшом скверике – три каменных дельфина выбрасывали в воздух три струи... Сквер и фонтан на месте, банк тоже, но половину нижнего этажа занимает аптека. Дверь, четыре окна, а в них – склянки и банки, лекарства в пестрых упаковках, бронзовые весы, чучело крокодила... Глеб мог поклясться, что никакой аптеки тут прежде не было. Что за чудеса!

Удивленно хмыкнув, он бросил взгляд на часы. Пять минут восьмого... В «Иллирии» его ждали к семи... Бранко, Воислав, жена Воислава Елица и Джакомо Мурено, археолог из Болоньи... Еще – стакан красного вина и жаренные на вертеле колбаски... Бог с ней, с этой аптекой, решил Глеб, нажимая на педаль газа. Хорватия, как и Россия, страна свободного предпринимательства: вчера не было здесь аптеки, а сегодня есть. Правда, потеснить банкиров – дело не простое... Молодец аптекарь! Или молодец, или имеет родича в городской управе...

Он подкатил к набережной, оставил машину на парковке и вступил под дворцовые своды. На хорватском берегу имелись две главные приманки для туристов: сказочный город Дубровник и этот дворец в Сплите, свидетельство мощи и былого римского величия. Возвели его семнадцать веков назад, когда император Диоклетиан – иллириец, как уверяют историки, – удалившись от дел правления на родину, повелел выстроить обитель, достойную владыки полумира. Дворцовый комплекс высился у самого морского берега, и были в нем некогда парадные залы и роскошные галереи, термы и погребы, сады и храмы, водопровод, площади и улицы для прогулок – словом, все, что душа пожелает, включая грядки с капустой, так как на покое император стал заядлым огородником. Дворец построили в соответствии с последним словом римской техники, и это слово оказалось таким весомым и прочным, что он пережил все катаклизмы местной и мировой истории: падение Рима и возвышение Константинополя, нашествия турок, долгое венецианское владычество, власть Габсбургов и мимолетное королевство Югославию, как и республику с тем же названием⁹. Его стены были по-прежнему мощны, крепки и ныне заключали в себе целый городок: ближе к морю располагался музей, а за ним – жилой квартал с ресторанчиками, кафешками, сувенирными лавочками, пестрыми тентами и бельем, что сушилось над узкими улицами-переходами. Обитатели этой «вороньей слободки», кормившиеся за счет туристов, не спешили расставаться с древней жилплощадью, а выселить их, в эпоху наступившей демократии, было непросто.

⁹ Королевство Югославия (1918–1946) просуществовало меньше тридцати лет, а Республика Югославия (1946–1990) немного дольше сорока.

Вечером дворец служил огромным аттракционом, где слышалась речь на всех языках, сколько их было в Европе и половине Азии. Туристы бродили среди древних стен, угощались в кабачках, немцы чокались пивными кружками, итальянцы тараторили, размахивая руками, англичане чинно пили кофе, русские толпились у ювелирных лавочек, а местные жители делали бизнес. Попетляв в заполненных народом переулках и отказавшись от выгодных сделок, покупки кораллов в серебре, вишневого шерри-бренди, майки с футбольной символикой, пепельниц с гербом Сплита и прочих соблазнов, Глеб спустился в неприметный подвальчик. Вывески здесь не было, так как заведение предназначалось не для туристов, а для своих. За стойкой маячила дородная фигура папаши Саво, он лихо разливал вино и сливовицу, а его дочь Йованка таскала спиртное, жареных креветок, колбаски и свиные рульки к трем столикам. Сегодня тут были моряки с «Ядран лайн», ходившие в Истрию и Венецию, и компания Глеба. Он улыбнулся Елице, кивнул Джакопо и сел на дубовый, потемневший от времени табурет. Йованка поставила перед ним блюдо с колбасками и стакан вина. Здесь знали его вкусы.

– Что-то ты сей день выглядеть усталый, – промолвил Джакопо на хорватском. – Есть неприятность?

Пожав плечами, Глеб занялся колбасками. Воислав пояснил:

– Трудная операция. Привезли девчонку из горного села. Красивая и совсем молоденькая.

– Рак? – спросил Джакопо, всплеснув руками. Он панически боялся рака.

– Нет. Перитонит с кровотечением в брюшную полость. Еле вытащили... Повезло ей, что к нам попала. К Глебу.

Повезло, да не очень, подумал Глеб. Вот если бы раньше привезли... Он выпил вино, и Йованка тут же наполнила его стакан.

– У него золотые руки, – с чувством сказала Елица, и рентгенолог Бранко Михайлович закивал в знак согласия. Елица играла в оркестре местного театра, и годом раньше Глеб удалил ей аппендицит, сделав это с помощью крохотных разрезов, телезонда и японского минискальпеля. Госпиталь в Сплите был оборудован весьма современно. На Кавказе, дренируя раны, вытаскивая пинцетом пули да осколки, Глеб и мечтать не мог о таком инструменте.

– У него не только золотой рука, у него необычайно развит интуиция, – заметил Джакопо и принялся рассказывать о новых своих находках в катакомбах под дворцом. Он возглавлял экспедицию Итальянского археологического общества и уже не первый год трудился в дворцовых подземельях, изучал древние водостоки и водопроводную систему, раскапывал груды окаменевшего мусора, где попадались обломки скульптур и ваз, битая посуда, человеческие кости, черепки и прочие редкости. Джакопо был тощ, жилист и крепок, как подобает работнику лопаты и кирки, и походил обличем на пирата. Возможно, его предки и были пиратами из Далмации, попавшими на венецианские галеры и превратившимися с течением лет в итальянцев.

Они с Глебом повстречались в первую же неделю, когда тот переехал на теплый далматинский берег к молодой жене. Марина возила его в Дубровник и Трогир, на острова и в речную долину Крки, ну а дворец, конечно, шел первым номером. Однажды они спустились в раскоп, где трое итальянских археологов размахивали руками, сыпали проклятья и орали друг на друга, решая, где вонзить лопату – почва везде была одинаковой и твердой словно камень. Глеб с Мариной глядели на них, улыбались, а потом Глеб сказал: не ссорьтесь, ребята, копайте в том углу. Начали копать и нашли позеленевший бронзовый таз для умывания, хоть дырявый, зато с каким-то редкостным орнаментом. С той поры врач Соболев сделался большим авторитетом для археолога Мурено.

Внезапно он перешел на итальянский, который Бранко и Воислав понимали хорошо, а Глеб – не очень. Кажется, Джакопо рассказывал про обломок стелы с фрагментами слов

«Dio» и «mog», найденный в подземельях; «Dio» могло означать Диоклетиана, а «mog» – «mors», то есть «смерть». Раскрыть тайну его кончины было заветным желанием Джакопо, так как по этому поводу среди историков царили разногласия: в возрасте под семьдесят император мог умереть своей смертью или был отравлен либо заколот жадными до власти наследниками.

Джакопо опять заговорил на хорватском. Подняв мечтательный взгляд к потолку, он поинтересовался:

– Если бы я вскрыть мавзолей¹⁰, найти скелет или хотя бы косточка, вы дать мне помощь? Медицинский экспертиза и заключений, как он погибать?

– Смотря какая косточка, – вымолвил Бранко. – Для генетических исследований лучше всего подходят зубы, а полиартрит хорошо распознается по фалангам пальцев и позвоночному столбу.

– Если его отравили – скажем, цикутой, – след найдется опять же в зубах и костях черепа, – добавил Воислав и поглядел на Глеба, будто приглашая к разговору.

– Если закололи мечом или зарезали, будут отметины на ребрах либо шейных позвонках, – отозвался Глеб. Сказать по правде, смерть императора не слишком его занимала, уж очень давно случилось это событие. Другое дело – та юная пациентка... Жить ей еще и жить, а как?.. С внезапным отвращением он уставился в свою тарелку. Она напоминала о его здоровом желудке и о том, что на теле Глеба нет ни единого шрама – миновали его хирургический скальпель, а также пули и осколки в Кавказских горах. Но страданий он перенес немало. Каждый пациент – новое страдание, пока не завершится операция... И чем больше вылечишь людей в каком-то месте, в том же Сплите, тем оно роднее...

Бранко, Джакопо и Воислав обсуждали состояние здоровья императора. Елица придвинулась к Глебу, зашептала в ухо, что Марину уже не вернешь, что была она безгрешна и сидит теперь у божьего престола, что время лечит тоску, время и новая привязанность. Он, Глеб, молод и собой хорош, хватит на его век девушек, а здесь, на побережье, любые найдутся, итальянки, немки, русские, ну и, конечно, хорватки тоже. Хорватки лучше всех – красивые, домовиты, работающие и жены верные. Вот у них в театре есть очаровательная девушка, двадцать четыре года, закончила Венскую консерваторию, играет на альте... Хочешь, познакомлю?

Глеб, машинально кивая, внимал этим утешительным речам, пил вино и озирался в поисках Йокса. Разумеется, его вторая тень, его Защитник был здесь, стоял невидимый в каком-нибудь углу и приобщался к земным обычаям. Смотрел, как люди развлекаются, слушал, о чем говорят, и, возможно, размышлял над словами Елицы. Ясны ли пришельцу ее побуждения?.. – думал Глеб. Может ли он представить, что такое жалость, что значит для человека внезапная потеря, тоска, страдание?.. Понимает ли он, что здесь, на Земле, мы все связаны друг с другом как травинки в поле, что борются за жизнь, за пищу и солнечный свет, но прорастают только вместе и вместе умирают с приходом зимы?.. Так ли устроен его далекий мир или иначе, и ведомы ли в нем любовь и душевные муки?..

Нет ответа... Нет ответа...

* * *

Друзья уехали на такси, а Глеб решил прогуляться, чтобы выветрились винные пары. Дорога через весь город от набережной до Солина могла занять час или немногим больше – все же Сплит, по меркам современных мегаполисов, был невелик, хоть и считался столи-

¹⁰ Диоклетиана и его супругу Приску похоронили в мавзолее, в центре дворца. Мавзолей со временем был перестроен в христианский храм, а саркофаги императорской четы в VII веке уничтожены.

цей Далмации. Жителей – двести двадцать тысяч, метро и электричек нет, нет крупных производств, нет высотных зданий, зато имеются аэропорт и масса спортивных клубов. Если не считать центральной части, на улицах никакой толкотни, а вечером – так полное безлюдье. Небо ясное, звездное, с моря дует ветерок, и над городом плывут запахи листвы, цветов и нагретого солнцем камня. Хороший город Сплит! А был еще лучше, пока не умерла Марина...

Глеб прошел мимо парковки. Откуда-то из пустоты донеслось:

– Ты оставляешь свое транспортное средство. Почему?

– Я пил вино, и теперь координация движений нарушена. Мне не стоит управлять машиной.

– Это земной обычай?

– Это закон. Понимаешь разницу?

– Проинформирован. Законы обязательны для исполнения, обычаи – нет. Но законы у вас нарушают чаще, чем обычаи.

– Потому что обычаи мудрее, – пояснил Глеб. Он зашагал по тротуару, выложенному фигурной плиткой, но вдруг остановился, услышав шорох шин. – Что это? Йокс, твоя работа?

Выкатившись со стоянки, машина неторопливо ехала за ним.

– Примитивный механизм, – сообщил Защитник. – Могу управлять им на расстоянии.

– Лучше, если ты сядешь за руль и станешь видимым, – сказал Глеб. – У нас машины сами по себе не ездят.

Было за полночь, на улице – ни души, но из дворца доносились звуки музыки и слитный гул человеческих голосов – там веселье только начиналось. Глеб, стараясь идти прямо, шагал по Вашингтоновой, мимо домов с темными окнами, мимо развесистых платанов, мимо оград и стен, заплетенных стеблями плюща. Обернувшись, он увидел смутную фигуру за лобовым стеклом – машина катилась позади, словно верная собачка. У него был подержанный синий «Пежо», купленный когда-то у знакомых Марины и очень подходящий для узких улочек Сплита. Сейчас, пожалуй, он мог бы позволить себе что-то пороскошнее, но «Пежо» хранил память о более счастливых днях. Елица, конечно, права – потерянного не вернешь, время лечит все... Но Глеб не спешил избавляться от своих воспоминаний.

Добравшись до Вуковарской, он остановился на углу. Вот она, аптека! Никуда не подевалась! В темном здании банка лишь ее окна озарял неяркий свет, дверь была чуть приоткрыта, словно хозяин надеялся, что к нему заглянут припозднившиеся посетители. Шелестела листва, звенели водные струйки в фонтане с дельфинами, и кроме этих тихих звуков Глеб не слышал ничего. Он уставился на окна, на бронзовые весы, маленькое чучело крокодила, емкости с заспиртованными змейками и медный микроскоп, повидавший, должно быть, самого Левенгука. Этот интерьер явно намекал, что аптека не простая, а старинная – точнее, оборудована с претензией на старину.

– Притормози, Йокс. Я хочу сюда заглянуть.

Глеб направился к двери, вошел и осмотрелся. Стены здесь были забраны темными дубовыми панелями, с потолочных балок свисали светильники, имитация газовых фонарей, стеллажи и шкафы ломились от фаянсовых банок и шкатулок со снадобьями и флаконов толстого стекла с разноцветными жидкостями. У дальней стены он разглядел прилавок, на котором громоздились древний кассовый аппарат и подносы с леденцами, а рядом с прилавком – просторную нишу с чем-то похожим на лабораторию алхимика: перегонный куб, змеевики, воронки, старинная химическая посуда. Впрочем, место для современных лекарств тут тоже нашлось, на полках слева от входа, забитых множеством пестрых коробок. Свет был неярок и пахло в аптеке восхитительно, лавандой и ладаном, будто в храме во время службы.

Послышался шорох, и за прилавком возникла фигура старика. Одет он был причудливо, по моде девятнадцатого века: рубаха с пышными манжетами, бабочка, темный сюртук. Старец был тощ, невысок и слегка сутулился.

– Что желает господин? – раздался шелестящий голос.

Глеб бросил взгляд на полки с лекарствами, на шеренги фаянсовых банок и подносы с леденцами, затем повернулся к нише с перегонным кубом и спросил:

– А есть ли у вас нечто особенное? Предположим, философский камень?

– Найдется, – мелко закивал аптекарь. – Для особых клиентов все найдется.

– И какая будет цена? – спросил Глеб.

– Для врачей – бесплатно, – откликнулся старичок и уточнил: – Для настоящих врачей. Но самый редкостный товар мы не держим на полках. Пожалуйте сюда.

За его спиной вдруг обрисовалась дверь. Взглянув на нее, Глеб обомлел: в проеме стояла его недавняя пациентка или ее точная копия. Ошибиться он не мог – ведь девушка была так похожа на Марину! Точеная фигурка, длинные стройные ноги, темные волосы, ямочки на щеках... Полумрак, царивший в аптеке, лишь увеличивал сходство.

– Сюда, – поторопил его старик. – Марина вас проводит.

Марина!

Глеб, как замороженный, шагнул к прилавку, растаявшему перед ним будто ключья тумана. Девушка поманила его к себе и улыбнулась; сверкнули жемчужинки зубов, ямочки на щеках обозначились резче. Вслед за нею он миновал недлинный коридор и очутился у другой двери, массивной и украшенной резными знаками; стоило к ним приглядеться, как они странным образом теряли четкость, расплывались, перетекали друг в друга. Должно быть, там какая-то кладовка, решил Глеб, веря и не веря, что ему действительно покажут философский камень. Он словно бы внезапно погрузился в транс, в полусон, когда видения мешаются с явью, и фантомы не отличить от реальности.

Дверь распахнулась, яркий солнечный свет брызнул Глебу в глаза. Ему открылся сельский пейзаж: ухоженные зеленые поля с петляющей среди них дорогой; за полями по левую руку – лес, по правую – речная пойма с лугом, где паслись лошади; вдали, на прямой видимости, замок, чьи высокие башни словно подпирали небеса. Замок стоял на скалистом холме, а у его подножия и на других холмах, более пологих, раскинулся город, обнесенный крепостной стеной, с воротами, к которым вела дорога – грунтовая, но довольно широкая и обсаженная деревьями, похожими на яворы. Так могли бы выглядеть владения французского сеньора семь или восемь веков назад, но место это не было Францией, Европой, и вообще не находилось на Земле: в небе сияли два солнца, алое и золотистое, над холмами плыли розовые облака, а цвет небес приближался скорее к лиловому, чем к голубому.

Дремотное оцепенение покинуло Глеба, он в тревоге обернулся, но девушка, его проводник, исчезла, а вместе с нею – дверь. Позади него темнела лесная чащоба, деревья здесь подступали к самой дороге, а он находился как бы на возвышении, на плоском камне прямоугольных очертаний. Зеленые полосы проросшего мха делили камень на квадраты, и Глеб, приглядевшись, сообразил, что под его ногами не скальный монолит, а искусственное сооружение, сложенное из гладко отесанных блоков – возможно, алтарь или просто площадка, с которой удобно обозревать окрестности.

Скорее алтарь, решил он, заметив, что один из блоков приподнят и на нем выбито изображение: скрещенные мечи в круге. Круг обрамлял хоровод геральдических зверей, крылатых драконов, безгривых львов с гребнем вдоль спины, клювастых птиц с мощными когтистыми лапами и других чудовищ. Работа показалась Глебу весьма искусной – фигурки были не только высечены в камне, но еще и раскрашены. Он опустился на колени, чтобы рассмотреть резьбу поближе, но тут издалека, с городских стен, долетели трубные звуки и гулкий

грохот. Очевидно, трубили в рога и били в барабаны, и под эту варварскую музыку распахнулись городские ворота и пестрая кавалькада высыпала на дорогу.

Глеб поднялся и, щурясь, стал разглядывать всадников. Их было не меньше полутора сотен – ярко разодетых рыцарей, скачущих под разноцветными стягами; блестели кирасы, вздымались копыта, ветер теребил султаны на шлемах, клубилась пыль, ржали лошади и рвал воздух протяжный долгий звук рогов, трубивших то ли в атаку, то ли к празднику. За этой процессией валила толпа горожан, многолюдная и вроде бы полная ликования – рожки, топот копыт и звон оружия не могли заглушить ее слитный рев, и Глебу даже послышалось, что кричат: «Слава, слава!» – а еще: «Король! Наш король!»

– Йокс! – позвал он.

– Присутствую, – откликнулся Защитник.

– Что это значит, Йокс? Что нужно этим людям?

Секунда тишины. Потом:

– Недостаточно информации для конкретных выводов.

– А если они воткнут в меня копьё, информации хватит?

– Враждебные действия будут пресечены, – уверенно заявил пришелец. – Но если хочешь, мы можем вернуться. Прямо сейчас.

Глеб покачал головой.

– Нет, пожалуй, нет. Здесь так красиво и романтично... два солнца в небесах, а к ним лес, поля, замок и рыцари... Я словно очутился в сказке, Йокс! Зачем прерывать ее в самом начале? Досмотрим до конца.

Кавалькада обогнула поворот дороги, и Глеб разглядел, что впереди скачут всадники в богатых одеждах и шляпах с перьями, за ними – большой отряд воинов в броне, а замыкают процессию трубачи и народ попроще – возможно, слуги и герольды. Толпа горожан отстала от конных на пару сотен метров, но тоже продвигалась быстро; мужчины, женщины, дети не шли, а бежали, и их крики доносились уже совсем отчетливо. Язык не русский, не хорватский и вообще не из тех, что существуют на Земле, однако он был понятен Глебу. Как и прежде, вопили «слава» и «король», но теперь он разобрал и другие выкрики: «Наш спаситель! Хвала Двум Солнцам, явился спаситель!»

Широким жестом Глеб обвел раскинувшуюся перед ним панораму.

– Что это такое, Йокс? Тоже стасис? Иллюзорная не-жизнь?

– В определенном смысле/значении, – последовал ответ из пустоты. – Подобие стасиса, но перенос сюда не требует значительных энергетических затрат, как при открытии портала. Это... – пришелец сделал небольшую паузу, – это мираж, подобный вашим фильмам. Так есть.

– В фильмах не ощущаешь ветер, не чувствуешь запах земли и цветов, – возразил Глеб. – И эти люди... Они не похожи на изображение, они живые!

– В данном случае спектр воздействия более широк, – произнес Защитник. – Все ощущения/чувства вплоть до тактильных не отличить от реальности.

– И если меня ударят клинком... – начал Глеб, но Йокс его прервал:

– Это исключено.

Всадники приблизились, и все, включая воинов, сошли на землю.

Теперь Глеб видел их лица – смуглые, с темными глазами, суровые и отмеченные шрамами у людей постарше, улыбчивые и открытые у молодежи. В их чертах не было ничего чуждого или странного; люди как люди, такие же, как на любом континенте Земли. Облачения тоже казались знакомыми – расшитые золотом и серебром камзолы и кафтаны, шляпы, сапоги, рыцарские доспехи, рубахи и безрукавки у слуг и трубачей.

Зазвенел, загрохотал металл – все опустили на колени, склонили головы. Минута прошла в почтительном молчании, словно люди молились или ожидали чего-то от Глеба. Но,

вероятно, его речь была не обязательной – заговорил мужчина постарше, из тех, что стояли в первом ряду.

– Приветствуем тебя, наш властелин! Ты пришел, и я, твой канцлер, и все мы, верные слову пророка и воле Двух Солнц, изъявляем свою покорность. Мы рады, что ты молод. Значит, ты будешь править нами десятилетия, и твой дар долго не иссякнет. – Он простер руки к Глебу и добавил: – Как и семя в твоих чреслах! Пусть будут они неутомимы, плодородны и благодетельны!

Глеб хмыкнул – эти намеки о даре, чреслах и семени ему не слишком понравились. Впрочем, их можно было списать на искренность в выражении чувств и низкую средневековую культуру.

Окинув взглядом вельмож и рыцарей, он промолвил:

– Встаньте, люди! Встаньте, взгляните на меня еще раз и скажите: разве я – ваш повелитель? Вы не ошиблись?

Коленопреклоненные поднялись, грохоча доспехами и сверкая дорогим шитьем.

– Ты наш король! – заявил сановник в кафтане с кружевным воротником. – Можно ли в том ошибаться!

– Ты владеешь королевским даром, – поддержал его рослый бородач. – Кто может похвалиться тем же? Кто из живущих ныне людей, благородных или простого звания? – В знак справедливости своих слов он топнул ногой в огромном сапоге.

– Король! – с жаром выкрикнул кто-то из рыцарей. – Наш государь! Слава, слава!

– Слава! – рявкнули воины в сотню глоток. – Слава!

Канцлер, что говорил первым, произнес:

– Да будет ведомо тебе, мой господин, что истинного короля нетрудно отличить. Мы видим свет на твоем лице и сияние, что исходит от твоих рук, мы зрим твою силу и знаем, что ты продолжишь свой род на века. И дар твой будет жить в потомстве!

– Одному продолжить затруднительно, – сказал Глеб, усмехнувшись. – Даже короли не умеют рожать детей.

– Но в замке ждет тебя королева! – воскликнул вельможа. – Юная королева и дамы ее двора, красавицы из благородных домов! Те, что будут служить тебе днем и ночью! Они исполнят все твои желания, дабы возродился в чреве достойнейшей королевский дар!

– Ну и перспектива меня ждет, – пробормотал Глеб, слегка ошеломленный. – Королева плюс гарем... Однако веселая у нас сказка!

Он хотел сказать что-то еще, но тут тысячная толпа растеклась вокруг вельмож и рыцарей и с гулом, топотом ног и воплями ринулась к нему. Впереди – старики и старухи, женщины с детишками и полсотни инвалидов, кто слепой, кто хромой, кто горбатый и скрюченный в три погибели. С детьми тоже непорядок, решил Глеб, разглядывая увечных: у этого – золотуха, трое с деформациями черепа, а тот, похоже, с полиомиелитом. Их матери тянулись к нему, поднимая ребятишек, не говорили ни слова, но в их глазах сияли радость и надежда. Увечные и старики пропускали их вперед, воины и рыцари сдвинулись плотнее, освободив дорогу, и только пожилой, назвавшийся канцлером, остался в толпе у алтаря.

– Король благодетельствует всех! – выкрикнул он. – Ждите, люди! Недуг исчезнет под его рукой!

Старинное поверье – прикосновение короля исцеляет... – всплыло внезапно в памяти Глеба. Если бы так! Лечить без скальпеля и шприца, без препаратов и диагноза, лечить одним касанием руки... Спасать от смерти, от убогого существования калеки, дарить исцеление и радость... Мечта любого медика! Но это невозможно, подумал он, невозможно даже в сказочной стране!

– Иди к своему народу, повелитель, – послышался голос канцлера. – Спустишься к нам и яви свой дар!

Словно во сне, Глеб спрыгнул с каменной плиты и шагнул к женщине с девочкой на руках. Малышке было годика два; ее глаза слезились, полуприкрытые опухшие веки и ресницы покрывал белесый гной. Застарелый конъюнктивит или что-то еще посерьезнее... – мелькнула мысль. Он вытянул руку и коснулся головы ребенка.

Зрачки у нее оказались карие. Ясные, чистые, как бусинки из темного янтаря. Ни слез, ни гнойных выделений, и опухоль тоже исчезла как по волшебству... Миг исцеления был таким кратким, что он, при всем своем опыте хирурга, его не зафиксировал; девчужке будто бы заменили глаза, и это чародейство свершилось в сотую долю секунды.

Глеб погладил плечо мальчика, больного полиомиелитом, тот выпрямился и встал на ноги. Одно прикосновение ладони, и кожа другого малыша, покрытого коростой, мгновенно очистилась. В полной тишине он шел сквозь толпу матерей с детьми, стариков и увечных; за ним распрямлялись спины, прозревали глаза, исцелялась плоть, срастались сломанные кости, здоровая кожа затягивала язвы и раны. Люди молчали, только облегченные вздохи слышались позади, и это молчание было таким глубоким, таким торжественным, словно здесь, на лесной опушке, свершался священный обряд. Он обошел стоявших в первых рядах, и к нему потянулись мужчины, горожане и рыцари. У престарелого вельможи сохла рука, воин мучился от гнойной раны под коленом, два сторбленных каменотеса харкали кровью, ювелир почти ослеп, пожилой рыцарь страдал от болей в сердце... Наложить руку, увидеть счастливую улыбку исцеленного, и дальше, дальше! Излечить всех, кто болен, одарить их счастьем!

Теперь вслед ему раздавались не только вздохи, но и негромкий гул голосов. «Наш добрый король...» – шептали одни, «Милостивый повелитель...» – вторили другие, «Владеющий даром...» – бормотали третьи. И еще он услышал слова женщины: «Не покидай нас, господин, не покидай! Мы твой народ, мы поле, засеянное твоими трудами... Будь с нами, одари нас милостью!»

Не покину, не оставлю никогда, мысленно ответил ей Глеб, касаясь натруженных спин ткачей и мельников, горшечников и кузнецов. Эйфория охватила его, отгораживая от реальности незримыми, но прочными стенами. Кто же уйдет из этих благодатных мест? – подумал он. Из чудесной сказки, где его руки несут исцеление, где его признали королем, где ждет его в замке прекрасная королева... Кто она? Марина, разумеется! Его любимая, не умершая, а живая – ведь в сказке смерть не властна над людьми! Будут они править этой страной, лечить и учить свой народ, хранить от бед и несчастий, защищать от врагов... Не в этом ли цель и смысл его жизни?... И есть ли более высокое предназначение?..

Глеб бросил взгляд поверх толпы на замок, но его зубчатые стены и мощные башни вдруг начали подрагивать и мерцать, растворяясь в лиловом небе. Вслед за ним таяли город и речная пойма с лугом, лес, поля и дорога, обсаженная яворами, розоватые облака и два солнца, алое и золотистое. Люди, окружавшие Глеба, как бы отделились и стали полупрозрачными; он уже не слышал их голосов и дыхания, не ощущал их запахов и тепла. Спустя секунду его объяла темнота, потом вспыхнули фонари и послышался тихий шелест струй фонтана.

Он стоял перед зданием банка на углу Вашингтоновой и Вуковарской. Сквер, фонтан, синий «Пежо», застывший у тротуара, и темные дома – все оказалось на месте, но выглядело ненастоящим, как мираж в пустыне. Пожалуй, единственной реальностью для Глеба были сейчас окна аптеки – четыре освещенных окна, а в них – бронзовые весы, склянки с заспиртованными змейками, старинный микроскоп и чучело крокодила.

– Почему?... – хрипло выдохнул он. – Почему ты вернул меня обратно? Разве мне грозила опасность?

– Грозила, – донеслось от машины, где неясной тенью маячил Йокс. – Связь с реальным бытием могла прерваться. И тогда...

– Тогда... Что тогда? – спросил Глеб, озираясь в ошеломлении и тоске.

– Ты стал бы фантомом в мире иллюзий, в пространственном кармане стасиса. Таким же, как люди-призраки и среда обитания, что были явлены тебе.

– Явлены кем? – Дверь аптеки все еще манила Глеба, он видел, как за окнами двигаются чьи-то фигуры – должно быть, старика и девушки. При мысли о ней губы его пересохли.

– Очнись! Там враг/недоброжелатель!

Промолвив это, Йокс взмахнул рукой, и с его пальцев сорвались пять голубоватых молний. Окна и вход в аптеку мгновенно охватило пламя, такое ослепительное, что Глеб зажмурился. Когда он снова поднял веки и исчезли плясавшие перед глазами цветные пятна, ни двери, ни окон, ни старинных вещей за стеклом, ни фигур во внутреннем помещении больше не существовало. На углу по-прежнему высился банк, трехэтажное желтое здание с лепным декором по фасаду. Все его окна были темны, и на стенах не замечалось никаких следов воздействия огня, ни копоти, ни дыма. Очевидно, молнии уничтожали только то, что пожелал Защитник.

– Можешь сесть/расположиться в своем транспортном средстве, – сказал Йокс. – Поедем туда, где ты обитаешь. В дом с портретом твоей умершей женщины.

– Мог бы не напоминать об этом, – буркнул Глеб, шагая к машине. Он обернулся, окинул взглядом здание банка, такое будничное, привычное, и вспомнил лиловое небо с двумя солнцами, толпу вельмож и горожан на лесной опушке и замок, где ожидала его королева, но так и не дождалась. Еще вспомнились ему лица исцеленных и глаза малышки, сиявшие точно пронизанный светом янтарь, вспомнился шепот – наш добрый король, милостивый повелитель... не покидай нас, не покидай! – вспомнилось Глебу все это, и он вздохнул с тоской.

Мир, где сила его огромна, так велика, что он избавляет людей от страдания... Мир, в котором он целитель и король, владеющий волшебным даром... Мир с дорогой, что ведет в другие страны, неведомые, но столь же чудесные, как явленный ему мираж... Мир, где можно снова обрести любовь... Как хочется вернуться!

Вернуться и остаться навсегда!

Иллюзия? Возможно, чья-то злая шутка?... Игры чужаков, решивших развлечься с одним из землян?... Защитнику виднее, а он сказал: это похоже на ваши фильмы. И добавил: так есть! Значит, так и есть.

Но все же, все же...

Как хочется вернуться! Искушение, великое искушение!

Глава 5

Станция на Луне и флотилия ротеров. Петербург, конец июня

База на природном спутнике планеты была врезана в скалы небольшого кратера и, если не считать трех шахтных колодцев и антенн, надежно пряталась под толстым слоем лунного реголита. С человеческой точки зрения база выглядела странно: никаких коридоров, по которым могли бы передвигаться живые существа, никаких помещений для сна, питания и отдыха, никаких шлюзов для выхода на поверхность. Это сооружение являлось единым целым с тремя его обитателями – скорее, не обитателями даже, а вмонтированными в инженерный комплекс разумными субъектами. База предназначалась не для активных действий, а лишь для связи, наблюдения и координации ряда вспомогательных эффекторов – транспортных средств и станций, принадлежавших другим расам. Три существа, соединенные с ее конструкцией, нуждались только в тепле и притоке небольшого количества питательных веществ. В своем материнском мире они плавали в плотной газовой среде, пронизанной электрическими разрядами, и были довольно энергичны, но в космических полетах и на заатмосферных станциях могли долгое, очень долгое время пребывать в полной неподвижности. Их студенистые, лишённые определенной формы тела находились в цилиндрических контейнерах, загружаемых с межзвездного корабля прямо в шахтные колодцы; затем, с помощью этих отдаленных подобий скафандров, они подключались к различным агрегатам базы. Тот-Кто-Решает занимался общим руководством, Следящий наблюдал за планетой и околопланетным пространством, на Питателя возлагались функции жизнеобеспечения.

Момент, когда антенна базы развернулась, нацелившись на флотилию ротеров, не уловил бы ни один земной телескоп – антенна была крохотной и затаилась в щели на склоне кратера, в вечной тьме под нависшими скалами. Тот-Кто-Решает не обладал зрением и слухом и не мог говорить, но приборы базы наделили его ментальным восприятием. Когда ориентация антенны завершилась, в его сознании возникли тени, затмевающие несколько ярких звезд – контуры кораблей, будто нанизанных друг за другом на незримый стержень. Их вид был знаком Решающему – диски с тонкими краями и куполом в центре, стандартная конфигурация, какую придавали ротеры своим звездолетам. Они висели над неразличимым с планеты полушарием спутника – темные, как рой безжизненных астероидов, застывших в пустоте волей неведомых сил.

Один из их кораблей приблизился, и Тот-Кто-Решает мысленно проник под его центральный купол. Здесь находились семь или восемь ротеров – возглавляющий флотилию, его навигаторы, пилоты, техники и служители. Эти существа, невысокие и серокожие, с голыми черепами и парой зрительных органов, напоминали обитателей подконтрольного мира – во всяком случае, у них имелись головы, конечности и некое подобие лиц. Для общения с ротерами и другими расами того же типа соплеменники Решающего разработали звуковой код, так что его мыслеобразы передавались привычным для них способом – речью.

– Вы превысили полномочия, и глава Внешних обратился к Обитающим в Ядре, – сообщил Тот-Кто-Решает. – Они недовольны.

– Утрака нужно остановить. Они дикари, – прозвучало в ответ. Звуки исходили от создания, первого по старшинству в группе своих собратьев и носившего имя Тья Ньикада. Его речи всегда казались Решающему уклончивыми и нечеткими, особенно если ротеры нарушали тот или иной пункт Договора, что бывало нередко. Полеты над боевыми арсеналами, полями сражений, энергостанциями и крупными городами отнюдь не приветствовались Внешней Ветвью, да и Внутренней тоже – на демонстрацию любых технологий,

превосходящих планетарный уровень, был наложен запрет. Но ротеры носились над континентами и морями, затевали опасные игры с боевыми самолетами, и дважды их диски падали на Западном материке – так неудачно, что корабли вместе с мертвыми пилотами достались местным туземцам. Все это вызывало у Решающего раздражение, как и потоки оправданий после нелепых эскапад.

– Мы остановим их, но в рамках согласованных условий, – передал он. – Договор не должен нарушаться.

– Дикари очень активны и быстро прогрессируют. Так быстро, что Галактика вскоре заполнится их мусором и нечистотами, – возразил глава ротеров. – Договор – плохая затычка для сливной трубы!

Дикари! Тот-Кто-Решает вполне понимал смысл этого определения. Но совсем недавно, пару тысяч циклов назад, дикарями были сами ротеры, и выход в космос этой расы служил поводом для споров и сомнений. Сомнения остались до сих пор, если вспомнить пренебрежительный отзыв Тья Ньикады о Договоре.

– Договор принят Внешней и Внутренней Ветвями, – напомнил Решающий. – Ваша раса обязана его выполнять. Если вы этого не желаете... – он сделал паузу, чтобы лучше сформулировать мысль, – последствия неизбежны. Очень неприятные последствия – для вас, для нас, для всех, кто участвует в Противодействии. Ответственность лежит на мне, ибо в этом цикле моя раса признана старшей.

– Твари из Ядра только грозят. – Ротер помахал верхней конечностью – жест, видимо, означавший презрение. – Что они могут сделать? И почему? Накажут нас из-за одного мертвого утрака?

– Убитого, – уточнил Тот-Кто-Решает. – Убитого вами Связующего, чей статус приравнен к членам Внешней Ветви. Это серьезный проступок – более серьезный, чем полеты ваших кораблей над городами и атомными арсеналами. Что до Обитающих в Ядре... – Его студенистое тело содрогнулось, и шланг, подводивший питательную смесь, царапнул стенку резервуара. – Этих созданий лучше не раздражать, так как их понятия о вине и каре отличны от наших. Полагаю, вы не хотите, чтобы они уничтожили ваш мир и ваши колонии на других планетах?

Ротеры засуетились. Теперь Тот-Кто-Решает различил, что их в отсеке не семь или восемь, а больше двух десятков. Они принадлежали к коллективным существам, нуждавшимся в присутствии соплеменников; одиночество вызывало у них тоску и страх. С помощью транслятора Решающий мог бы понять их речи, но в этом не было необходимости – он общался только с тем, кто возглавлял флотилию.

Миновало недолгое время, обсуждение завершилось, и Тья Ньикада произнес:

– Нейтрализатор защитных устройств Связующих собран триподами.

– Верно, – подтвердил Тот-Кто-Решает. – Триподы его собрали, а вы пустили в ход. Кто виновен больше?

Пусть думают и страшатся, решил он, прерывая связь. Затем подключился к другим антеннам, смотревшим на полюс Галактики. В его восприятии возникли три тороида, кружившие в звездной системе утрака вблизи четвертой планеты, небольшого холодного мира, покрытого песками и камнями. То был жилой комплекс триподов, переселенцев из другой галактики, пребывающих сейчас в долгом цикле спячки. С ними у Решающего не возникало проблем – эти существа, обладавшие редким инженерным даром, являлись консультантами и техническими экспертами, чья задача – исследовать опасные изобретения туземцев. В отличие от ротеров, они никогда не спускались в мир утрака, довольствуясь снимками, чертежами и прочей информацией, выловленной в планетарных сетях. Их миролюбие было общеизвестно, и никто не знал причин, сблизивших триподов с Внутренней Ветвью и подтолкнувших к участию в Противодействии. Ходили неясные слухи, что в своих снах они

могут предвидеть будущее; если так, у них, очевидно, имелся веский повод, чтобы вступить в этот союз.

Тот-Кто-Решает продвинул дальше свой мысленный щуп. В кометном облаке, что окружало местное светило со всеми его спутниками, затаился боевой корабль Империи семипалых. Огромное судно с таким энергетическим ресурсом, что семипалые могли бы при желании взорвать звезду, затопив ее окрестности раскаленной плазмой. Такой вариант не исключался, хотя более гуманным было бы медленное угасание цивилизации на подконтрольной планете или же быстрое, но в силу естественных причин. Тот-Кто-Решает считал, что местные аборигены никогда не выйдут в дальний космос и, очевидно, задохнутся в перенасыщенной вредными газами атмосфере, среди гор собственного мусора. Это определяло его позицию: не торопиться, не беспокоить наблюдаемых и терпеливо ждать. Но не все во Внутренней Ветви были с ним согласны – ротеры определенно зарились на этот мир, что объясняло их активность и регулярные полеты с целью геофизических исследований.

Он подавил чувство ужаса, внушаемого имперским кораблем. Семипалые, конечно, уступали мощью Обитающим в Ядре, но немногие в Галактике рискнули бы им противоречить или, тем более, ссориться с этой расой. Их флот контролировал столько миров, что даже планета утрака, на редкость подходящая для дышащих кислородом созданий, была им не нужна – в отличие от ротеров и, возможно, Живущих в Воде. Семипалые примкнули к Внутренней Ветви, не давая согласия чтить Договор – Империя вообще редко вступала в союзы, являясь крупным, мощным и самодостаточным социумом. Это открывало для имперцев массу возможностей – в любой момент они могли удалиться или свершить нечто такое, на что Решающий согласия не дал бы. Но он надеялся, что семипалые, будучи созданиями расчетливыми и прагматичными, все же не взорвут звезду. Это очень не понравилось бы обитателям Ядра.

Он отключился от внешних антенн и вызвал Следящего. Его коллега наблюдал за планетой, используя систему орбитальных передатчиков, затерянных в космическом мусоре, в облаках металла, керамики и пластмассы, что вращались за границей атмосферы. Утрака – так называли ротеры местных обитателей – уже освоили ближний космос и, с энтузиазмом неофитов, засорили его грудями хлама. В данном случае это было удобно – распознать приборы наблюдателей среди сотен тысяч обломков ракет, топливных баков и отживших свой век спутников не удалось бы никому. Следящий мог без помех обозревать поверхность планеты при помощи точных устройств, различающих капли дождя и шевеление травинки в поле.

– Есть новая информация? – отправил мысленный запрос Тот-Кто-Решает.

– Они прислали Защитника, – сообщил Следящий. – Прислали очень быстро.

Неприятное известие! Решающий знал, что Защитник – не из тех созданий, которых можно игнорировать. Быстрота его появления – знак недовольства обитателей Ядра, а степень недовольства скоро станет ясной, нужно лишь понаблюдать за их посланцем.

– Где Защитник и чем он занят? – спросил Решающий, жадно поглощая питательную смесь. Его тело в прочном контейнере оставалось неподвижным, но процессы мышления и стратегической оценки вариантов событий требовали энергии.

– Трансгрессирован в город у межконтинентального моря, – доложил Следящий. – Вступил в контакт с одним из туземцев.

Вступил в контакт с туземцем?... Тот-Кто-Решает догадался, что существо, к которому послан Защитник, придет на смену погибшему Связующему. Он не знал, как Внешняя Ветвь искала избранных среди утрака и как готовила их, но сейчас, при тщательном наблюдении, тайна могла бы приоткрыться. Впрочем, такие секреты не занимали Того-Кто-Решает, управлявшего Противодействием – конечно, в тех рамках, какие установлены Договором.

– В первый раз наши датчики зафиксировали трансгрессию примерно... – Следящий назвал срок, соответствующий полутора земным месяцам. – Но в начальной стадии Защитник был инертен и не покидал жилище – вероятно, приспосабливался к условиям планеты. Теперь он в активной фазе. Нанес два лучевых удара.

– Причины? – спросил Тот-Кто-Решает. Питательная смесь омывала все его клетки, вызывая ощущение удовольствия – смешанное, однако, с тревогой.

– Охраняемое им существо перебросили в стасис с высокой степенью летального исхода. Затем была еще одна попытка нейтрализации. Защитник принял меры.

Кто?.. Ротеры или семипалые?.. – подумал Решающий. Те и другие могли спуститься на планету в обличье утрака или создать там любую иллюзию, что требовало совсем несложных технических средств. Могли отправить биороботов или иных созданий с ограниченным разумом, но весьма опасных и агрессивных... Такое Договор не предусматривал. Подконтрольный мир был должен прогрессировать и войти в сообщество разумных, обогатив его новыми идеями, либо угаснуть и развеяться прахом, но только в силу внутренних причин. Количество Связующих – вот единственное ограничение, предусмотренное Договором. Лишних полагалось уничтожить или безболезненно изъять. Однако лишних сейчас не имелось.

Мысли Решающего передались двум его соплеменникам, с которыми он находился в ментальной связи. Оба молчали, но глава миссии Противодействия не нуждался в их помощи или советах. В звездной системе утрака он был тем представителем Внутренней Ветви, кто решает и несет ответственность. Но любое решение требовалось обдумать.

* * *

Когда завершилась связь с бесформенным, Тя Ньикада велел пилотам и служителям покинуть рубку. Эти существа с ограниченным интеллектом выполняли определенные функции и не привлекались к делам, требовавшим хитроумия и гибкости. Их работа была тяжелой, иногда опасной, и временами жизнь полумразумных кончалась со взрывом летательного диска или в какой-то другой катастрофе. Их не удостоили имен, но все же они обладали более высоким статусом, чем роботы, хотя и ненамного.

В рубке с Тя Ньикадой остались навигатор Мьюни и пилот Ньир, главные в своем сословии. Четвертым был советник Шью Кьигл – он не обладал телесной оболочкой, но мог общаться с соплеменниками с помощью приборов. Сложная конструкция, в которой таился его мозг, висела над управляющей консолью, связанная с ней пучком проводов.

– Бесформенный боится и пугает нас, – произнес Тя Ньикада. – Кому известно, что происходит в Ядре? Обитающие там могли давно подохнуть, кроме нескольких последних тварей. – Он пренебрежительно махнул рукой. – Дым бывшего пламени! И их страшится вся Галактика!

– Однако они прислали Защитника, – возразил Шью Кьигл. Рокошущие звуки его искусственного голоса наполнили тесную рубку, заставив трех ротеров прикрыть ушные клапаны.

– Возможно, это реакция некросферы. – Клапаны на голове Мьюни вновь оттопырились. – Обитающие в Ядре наверняка имели что-то подобное автоматическим устройствам. Теперь там не осталось живых, но защитные механизмы действуют.

– Действуют, еще как действуют! – подтвердил Шью Кьигл. – Вспомните, что случилось с кораблями семипалых, когда они захотели проникнуть в Ядро!

Это было неприятным напоминанием, но спорить с советником не приходилось. Шью Кьигл, обладатель почетного двойного имени, считался вторым по старшинству после Тя Ньикады. Он прожил в телесной оболочке и без нее многие, очень многие циклы, и накопленных им знаний хватило бы на сотню вполне разумных ротеров. Он превосходно разби-

рался в психологии туземцев, и ходили слухи, что именно Шью Кьигл первым назвал их «утрака» – то есть умственно неполноценными. Это случилось давно, во время войны, охватившей всю планету. Поразительно, что творили эти создания друг с другом и со своим благодатным миром! Воистину недоумки утрака!

– Один Связующий убран, и нейтрализатор пока что у нас, – прервал молчание пилот Ньир. – Продолжим?

– Продолжим, но без устройства триподов, – откликнулся Тья Ньикада, переплетая длинные пальцы. – Я не опасаюсь тварей из Ядра, но применять нейтрализатор еще раз не стоит. Это будет явным вызовом, и нас могут изгнать из системы и с планеты, которую мы открыли первыми. Бесформенные чтят Договор и ротеров не любят. Они вышвырнут нас – или они, или Внешняя Ветвь.

– Семипалые на нашей стороне, – пробормотал навигатор. – Они обещали...

– Обещали, что эта система будет нашей, если мы уничтожим утрака, сделаем это быстро, скрытно и так, чтобы Империя осталась вне подозрений. Это тайное соглашение, противоречащее Договору, – напомнил Шью Кьигл и, помолчав, добавил: – Я не понимаю, чем туземцы досадили семипалым и к чему такая спешка. Было бы разумнее подождать. Дольше пятидесяти циклов утрака не протянут.

– Решение принято не нами. Старейшие одобрили союз с Империей. – Тья Ньикада почтительным жестом растопырил пальцы. – А мы... Великая Галактика! Что нам остается! Мы должны исполнить то, о чем договорились. Исполнить, так как в ином случае будем наказаны. Семипалые – не твари из Ядра, они гораздо ближе. Не правда ли, советник?

– Правда, – пророкотал Шью Кьигл и смолк. Консоль, связанную с его мозгом, озаарили яркие вспышки – кажется, советник задействовал все логические устройства корабля. Вспышки вскоре сменились ровным мерцанием, и глава ротеров догадался: анализируются варианты дальнейших действий.

Заговорили пилот и навигатор, подхватывая мысли друг друга, объединившись в единой ментальной связке:

- Без нейтрализатора нельзя...
- Нельзя уничтожить Связующих. Но...
- Но тот, к кому послан Защитник, он...
- Он еще не Связующий. Его...
- Его не охраняет Договор. Охраняет только...
- Только Защитник. Нужно сосредоточить усилия на...
- На этом утрака, пока он не стал...
- Не стал Связующим. Пока мы вправе...
- Вправе разделаться с ним, не нарушив...
- Не нарушив Договор...

Тья Ньикада раздраженно дернул носовым клапаном.

– Закройте рты, если не можете дать разумного совета!

Этот утрака... – его голос завибрировал от ярости, – этот утрака, тварь безмозглая!.. Мы дважды пытались его уничтожить! И чем это кончилось? Защитник разрушил стасис и сжег нашего лазутчика!

– Не сожалею о полумразном и потерянных устройствах, – произнес Шью Кьигл, выйдя из задумчивости. – Утрака, названный тобой безмозглым, отнюдь не глупец, глупый не может стать Связующим. И еще одно... Психика туземцев отлична от нашей – они, несомненно, раса убийц и дикарей, но в то же время их эмоциональная связь друг с другом и со своим потомством более сильна. Мы давно знаем об этом феномене и умеем его использовать. – Теперь консоль мерцала в такт рокочущему голосу советника. – Обе наши попытки не

были бесцельными. Мы лишились агента и приборов, зато я изучил спектр реакций утрака и нашел его слабое место.

– Но у Защитника нет слабых мест! – воскликнул Тя Ньикада.

– Они имеются у всех, даже у Обитающих в Ядре. Я пытаюсь их найти. Ждите.

Глава ротеров бросил взгляд на пилота и навигатора. Долгое время они являлись его помощниками, единственными, кто, как и он, как и Шью Кьигл, родился в материнском мире. Сотни и сотни остальных были выращены искусственно в этой звездной системе, жили в тесных корабельных отсеках и, когда приходил их срок, тихо отбывали в вечность в камерах релаксатора. Никто из них не видел солнца родины и не увидит никогда, но Мьюни и Ньир его помнили – огромное красное светило в зеленоватом небе. Это объединяло их с Тя Ньикадой – возможно, не с такой силой, как в обществе утрака, но все же связь существовала и была прочна. Полезная особенность! Она помогала вникнуть в сферу эмоций туземцев и прогнозировать их поведение.

Вспышки света прекратились, мерцание консоли погасло – очевидно, Шью Кьигл закончил свои расчеты и анализы. Конструкция, в которой был заключен его мозг, покачнулась, втянув в себя несколько проводов. Но кабель, обеспечивавший визуальный и голосовой контакт, по-прежнему соединял советника с консолью.

– Великая Галактика! Тебе удалось что-то обнаружить? – с нетерпением воскликнул Тя Ньикада. – Нечто такое, что поможет нам прикончить эту тварь из Ядра?

– Прикончить – вряд ли, скорее отвлечь. Надеюсь, этого будет достаточно, – пророкотал советник. Он смолк и некоторое время не произносил ни слова – должно быть, искал более точную формулировку. Затем послышалось: – Как я сказал, слабое место есть у всех. Страх, гордыня, чувство долга, жажда власти, какая-то особая привязанность... Слабое место Защитника – его воспоминания. Память о планете, откуда он явился в этот мир.

* * *

Они встретились на морском берегу, за нижним парком Петергофа. В парке, у фонтанов и дворца, толпился народ, щелкали камерами разноплеменные туристы, визжала ребятня, прыгая под водными струйками, но здесь было пустынно и почти безлюдно. Парень и девушка загорают на песочке, трое мальчишек плещутся у берега, и в сотне метров от пляжа застыл в лодке одинокий рыбак... Тихо, тепло и вид лучше не пожелаешь: вся серо-голубая ширь Балтики открыта взгляду, небо ясное, солнышко золотое, ветерок гонит мелкую волну. Грибачев, человек наблюдательный, давно заметил, что Седой выбирает места для свиданий с широким обзором, у залива, реки или озера. Поначалу ему казалось, что эmissар боится, как бы их не подслушали, но эта мысль была, конечно, наивной: Седой мог легко защититься от любопытных землян и внеземлян. Однажды Грибачев спросил о причинах такого выбора и услышал в ответ, что люди – то есть разумные создания на родине Седого – предпочитают жить в местах с широкой перспективой. Древняя привычка, пояснил Седой, скорее даже генетическая тяга к открытым пространствам, порожденная космическими полетами и долгим, очень долгим созерцанием безбрежной пустоты. В Галактике соплеменники Седого странствовали уже десятки тысяч лет, так что упомянутая им привычка в самом деле могла закрепиться в механизмах наследственности.

Седой... У эmissара было и другое имя, Сергей Юрьевич Василенко, но Грибачев мог, имел особое право называть его Седым. Привилегия! Как-никак, и сам он причастен не только к делам земным, но и к небесным, подумалось ему. Медальон, висевший на шее, покачнулся, словно подтверждая эту мысль, и Грибачев прижал его рукой. Вдали прозвенели колокола. Одиннадцать... Хороший денек, тепло, но не жарко... Они с Седым расположились на камнях у самой воды, и волны омывали их босые ноги.

– Нашелся человек, который заменит Хиггинса, – произнес Седой. – Врач-хирург, живет в Сплите, недавно потерял жену, другие родственники отсутствуют. Молод, но уже с изрядным житейским опытом. Хорошо образован, сфера интересов весьма широка... Очень подходящий кандидат! – Эмиссар поднял плоский камешек и пустил его по воде. Когда галька, подскочив семь раз, канула в море, он спросил: – Не могли бы вы, Павел, ввести его в курс дела?

Не могли бы вы... Так он обычно формулировал задание – в сослагательном наклонении, в самой мягкой форме. Вначале, лет сорок назад, Грибачева это удивляло. Он был много старше, чем выглядел, прошел войну, сталинские лагеря и привык, что приказы отдаются совсем иначе.

– Лето – время отпусков, а море в Хорватии просто мечта! Море, фрукты, вино! – Грибачев весело потер руки. – Отправляюсь хоть завтра! Но есть один нюанс...

– Да?

– Беседовать с нашим кандидатом лучше на родном языке, уж больно тема странная...

А я хорватским не владею. Он знает английский или немецкий?

Седой негромко рассмеялся.

– Он, Павел, ваш соотечественник, Глеб Соболев из Петербурга.

– В самом деле? – Грибачев приподнял брови. – И живет в Хорватии? Редкий случай... Из России обычно бегут в Америку, Англию или Германию... в Израиль, на худой конец.

– У него другая история. – Эмиссар пошевелил песок пальцами босой ноги. – Два года назад он встретил девушку-хорватку... здесь, в Петербурге... Марина Тешич, лингвист, переводчица с русского, стажировалась в вашем университете... Они поженились и уехали в Сплит. Сейчас он там работает, в местном госпитале.

– Но жену потерял... – молвил Грибачев. – Каким образом? Несчастный случай?

– Нет, болезнь. Лейкемия в скоротечной форме...

Грибачев шумно выдохнул. Жизнь его была долгой, и повидал он немало трагедий – погибали люди от болезней, от голода и, что самое ужасное, от рук других людей, жестокосердных мерзавцев. Мог ли Седой это исправить? Седой и другие пришельцы со звезд, следившие за Землей едва ли не столетие?... Он часто размышлял на эту тему и пришел к выводу, что исправлять можно разными способами, и прямое вмешательство – самый худший вариант. Никакие пришельцы не смогли бы сделать Землю раем, добавить ума глупцам, вылечить страждущих и превратить негодяев в хороших людей. Слишком много горя на планете, слишком много несправедливости, слишком много накопилось грязи! Только людям под силу все исправить – разумеется, если время третьей стражи, о котором говорил О'Рейли, не заведет цивилизацию в тупик... Седой и его соратники делали единственно возможное – пытались ускорить прогресс, направить его туда, где не было тупиков.

– Он очень любил жену, – произнес эмиссар. – Эта смерть – его вторая потеря... Как я сказал, у него изрядный жизненный опыт. К сожалению, печальный.

– Вторая потеря... – повторил Грибачев. – Значит, была и первая?

По лицу Седого скользнула тень.

– Его родители погибли в авиакатастрофе. Летели всей семьей из Крыма, с отдыха, загорелся двигатель, самолет рухнул на землю. Он – единственный выживший из ста тридцати человек... Ему было семь лет.

– Грустная история... – Грибачев покачал головой, потом заметил: – Такую же я слышал от Тома Хиггинса. В юности он учился в Беркли, в Калифорнии, но каникулы проводил дома, в маленьком йоркширском городке, так что приходилось курсировать над океаном туда-сюда. «Боинг», в котором он возвращался в Штаты, упал на Ньюфаундленде. Выжили двое, Том и какая-то девчушка, совсем крохотная... – Он смолк, бросил взгляд на Седого и поинтересовался:

– Совпадение?

– Нет. – Эмиссар пустил по водам новый камешек. – Павел, вы пытались представить, как мы ищем Связующих? Как отбираем шестерых среди огромного населения планеты?

– Разумеется, пытался. Помнится, вы говорили, что нужные таланты есть у одного из миллиона... На Земле тысячи потенциальных Связующих, но найти их и выбрать лучших крайне сложно. Не знаю, как вам это удастся. Особые технические средства? Какие-то датчики, ментальные сканеры или что-то в этом роде?

– Приборы тут бесполезны. Мы действуем иначе – следим за информацией о катастрофах. Видите ли, Павел, иногда есть выжившие в совершенно невероятных обстоятельствах... скажем, во время цунами, при кораблекрушении, пожаре или падении самолета... Последний случай особенно показателен: гибнут все, кроме одного человека. У вас, землян, говорят, выжил чудом... Но чудес, поверьте, не бывает. Зато есть редкий дар – влиять на цепочку причин и следствий в критической ситуации, неосознанно обращая ее к своему спасению. Чаще всего такой феномен проявляется у детей, которые со временем могут стать Связующими.

Грибачев запрокинул голову, всматриваясь в ясное летнее небо. В нем маячила серебристая стрелка авиалайнера, летевшего так высоко над заливом, что было не слышно гула двигателей. С минуту он молчал, щурясь от яркого солнца, потом заметил:

– Как же вы нашли меня? В катастрофах мне быть не довелось, в детстве я видел самолеты только издали, да и в войну на них не летал. Я, друг мой, воевал в пехоте, а когда мы попали в окружение, ушел к партизанам. И после этого...

Он снова замолк.

– После вы сидели восемь лет, потом учились, а чтобы не погибнуть от голода и холода, разгружали вагоны с цементом, – сказал Седой. – Я помню ваши рассказы, Павел! Все ваше существование было сплошной катастрофой! Но вы выжили не только потому, что сильны и умны, у вас есть дар. – Вытянув руку, эмиссар коснулся медальона на шее Грибачева. – Вот ваш защитный талисман... Его назначение – корректировать причинно-следственные связи, предохраняя вас от неприятных случайностей... Но для обычного человека он бесполезен. Он функционирует только в сочетании с вашим природным талантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.